

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Г. КОРОТКОВ
НЕРЖАВЕЮЩАЯ ПАМЯТЬ
И. СОКОЛОВ Ю. ПЛОТНИКОВ
ПАМЯТЬ В СЕРДЦЕ ХРАНЯ

68.49(2)9
К 68

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Коротков. НЕРЖАВЕЮЩАЯ ПАМЯТЬ	3
И. Соколов, Ю. Плотников. ПАМЯТЬ В СЕРДЦЕ ХРАНЯ	83
Послесловие. В. Криворотенко . . .	162

К 0505030202—067
078(02)—86 013—86

ТОВАРИШ,
ОСТАНОВИСЬ
И ПОКАЗНИСЬ

Г. КОРОТКОВ

**НЕРЖАВЕЮЩАЯ
ПАМЯТЬ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

К юго-западу от Москвы, среди дремучих лесов и раздольных полей Смоленской и Калужской земли тихо несет свои воды Угра, левый приток Оки. Отдаленность этого уголка от крупных промышленных центров и шумных магистралей, пьянящий лесной воздух, кристально-чистая угранская вода, обилие грибов и ягод привлекают сюда многочисленных любителей водного и пешего туризма со всех концов нашей необъятной страны.

Но Угра дарит путешественникам не только заповедную природу и прекрасные пейзажи, которыми она щедра. Тут смыкаются еще и минувшие века с веком нынешним. Берега Угры помнят яркие события славной истории нашей Родины, а память народная еще и сейчас хранит предания и легенды об освободительных боях русских воинов с ордами монголо-татарских ханов, польско-литовскими рыцарями, о партизанской народной борьбе с наполеоновским нашествием, о кровопролитнейших боях с фашистскими захватчиками. Каждое поколение русского и многонационального Советского государства отстаивало свободу и независимость своего Отечества, беря пример ратной доблести со своих герических предков.

Наша поисковая группа «Память» из подмосковного города Ступино, включившись во Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа, прикоснулась к этой памяти непосредственно.

Мы увидели своими глазами памятники той давней и недалекой истории. Но особенно потрясли нас сохранившиеся до наших дней следы Великой Отечественной войны: в начальный ее период соединения и части Красной Армии дважды — сначала осенью 1941 года, а потом зимой и весной 1942 года — ожесточенно дрались на берегах Угры с фашистскими ок-

купантами в условиях полного или почти полного окружения. Видимо, поэтому многие подвиги и имена героев этих боев и сражений остались неизвестными.

Пройти старыми боевыми дорогами, встретиться и записать воспоминания местных старожилов, прочитать следы былых сражений, увековечить наиболее яркие события тех лет — вот какую задачу поставила перед собой наша группа, которая была создана при заводе стеклопластиков, а потом превратилась в общегородской экспедиционный отряд при Ступинском горкоме комсомола.

За 15 лет своей деятельности наш отряд прошел в общей сложности более 3,5 тысячи километров по дорогам Московской, Калужской и Смоленской областей, вдоль и поперек пересек весь бассейн реки Угры. В разное время в этих походах приняли участие более 400 человек — рабочих, школьников, студентов, инженеров, конструкторов, научных работников нашего города. Установлено пять памятников и памятных знаков на местах особо ожесточенных сражений. По материалам наших походов создан небольшой музей боевой славы. В книге, которую читатель держит перед собой, он познакомится с наиболее острыми впечатлениями, испытанными участниками наших походов, узнает о встречах с интересными людьми, свидетелями подвигов советских воинов, о наиболее значительных наших находках, будет вместе с нами сопреживать наши приключения.

С ЧЕГО НАЧАЛОСЬ...

Смеркалось. Мы ошиблись, рассчитывая быстро найти удобное место для ночлега: берега реки были крутыми и заросшими. Все одновременно увидели по правому берегу небольшую поляну с подступающим к ней лесом. С трудом пришвартовались, расчистили просеку в прибрежных кустах.

Быстро наломали сушняку, развели костер. От сильного жара вспыхнула пожухлая трава. Сбив пламя, принялись окапывать кострище. Вдруг лопата глухо ударила о что-то металлическое: Николай нагнулся, разгреб твердую землю и заорал:

— Гаси костер! Бомба!!!

Станислав схватил ведро с закипающей водой и опрокинул его на огонь: к небу рванулось густое облако

пара. В свете фонарей мы увидели конус артиллерийского снаряда с блестящей отметиной от удара лопатой чуть ниже окислившейся алюминиевой головки взрывателя...

Некоторое время все молчали, потрясенные случившимся: смерть прошла совсем рядом, дохнув на нас своим адским холодом...

Утром обнаружили, что остановились мы, видимо, на бывшем рубеже обороны: оплывшими окопами и траншеями был изборожден весь берег и прилегающий лес. В кустах валялись мотки колючей проволоки.

С великими предосторожностями откопали снаряд и отнесли его в ближний овраг, где зарыли головкой вниз в болотной трясине. На обратном пути собирали грибы: их здесь оказалось великое множество. Попутно нашли пулеметную ленту, ржавый автоматный магазин. В одном месте я едва не прошел мимо старой, замшелой березы, если бы не яркая семейка лисичек в траве. Нагнулся и... Около дерева, присыпанная сухими ветками и опавшими листьями, лежала ржавая солдатская каска. Отбросил мусор: небольшой холмик был обложен двумя рядами битого кирпича. На каске угадывалось когда-то нацарапанное: «Слава героям». Мы прибрали могилу, на каске нарисовали красную звезду, а к березе прибили дощечку с надписью: «Ступино узнает о вас. 1971 г.». Тогда мы еще не знали, чем обернется это обещание.

Но, когда через год мы вновь пришли к этой могиле, она уже была оборудована неприхотливым памятником с дощечкой: «Храни и помни». И адресат: «От туристов Красногорска, Истры и Химок». На березе сохранилась и наша почерневшая от дождей дощечка.

Не скрою, нам было приятно, что семя памяти подхватили другие, тоже случайные здесь люди, наверняка горячие патриоты своей Родины, которые закрешили след боевого подвига героев, павших на берегу тихой русской речушки... На этот раз мы приняли твердое решение — узнать все, что можно, о героях, сражавшихся здесь, на берегах Угры.

Вернувшись домой, засели за изучение истории Великой Отечественной войны, читали и перечитывали мемуары полководцев, воспоминания участников боев на Угре. К нашему удивлению, упоминаний о событиях 1941—1942 годов в районе реки Угры мы нашли не так

уж много. Это подтолкнуло нас еще решительнее заняться поиском.

К 1975 году сложилось исследовательское ядро нашей группы. Мы приобрели 16-миллиметровую кинокамеру, поисковые приборы и другое снаряжение. Инициативную работу группы поддержали общественные организации нашего завода и города. Расширялся и круг помощников: местные краеведы, ученые-историки, ветераны войны и т. д. С нашей же стороны отчеты в местной печати, фотодокументальные выставки, кинофильм, военно-исторические конференции, встречи с ветеранами, учащейся, рабочей и волонтерской молодежью стали той практической отдачей, которая формировала общественное лицо нашей исследовательской группы.

Но что же все-таки привело нас на Угру, эту тихую и, прямо скажем, не очень уж большую речку? Да просто желание провести очередной отпуск на природе, по дальше от шума и городской суеты. А выбрать реку помог случай.

Жарким июньским днем 1971 года я ехал из Москвы в пригородной электричке. Сосед по лавке запоем читал какую-то книжку. Изредка, чтобы отогнать сон, я тоже заглядывал на ее страницы. Один абзац привлек особое внимание, поэтому я приведу его полностью:

«На свете много рек. И все они разные, как люди. И если сравнивать реки с женщинами, то Угру можно сравнить с русской красавицей, которая родилась в затерявшейся среди лесов деревне. С красавицей, которая не знала ярких нарядов, но у которой доброе и щедрое сердце. Жизнь у таких женщин тихая и неприметная. Им никто не дарит драгоценностей, не посыпает восторженных писем, не приносит цветов. А ей ничего этого и не надо. Она хороша и без драгоценностей. А цветы собирает сама. Луговые...

И еще Угра очень щедрая. Она дарит людям не только соловьиные рассветы, задумчивую грусть лесных далей, блеск утра и осторожную тишину ночей. Река дарит людям еще и радость встреч».

Эти поистине вдохновенные строки написал калужский краевед и прозаик, Владимир Васильевич Кобликов в своей книжке «Побег в соловьевы зори», вышедшей в Приокском издательстве в 1965 году. К слову сказать, позже, послав письмо в это издательство, сожалением пришлось узнать, что Кобликов В. В. безвременно скончался в 1972 году.

На своем заводе в то время я выполнял общественную работу инструктора военно-технического обучения допризывной молодежи. Наш комитет ДОСААФ располагал двумя лодками типа «казанка» с подвесными моторами «Вихрь». Свою Оку и мелкие ее притоки мы знали наизусть от Рязани и до Калуги, однако выше никогда не поднимались.

К августу совпали отпуска у некоторых моих товарищей, тоже любителей водного туризма.

— Махнем на Угру, — предложил я, — все-таки месяц времени не пара выходных.

Ребята с радостью ухватились за эту идею.

«Брать» Угру в лоб, с Оки, оставили резервным вариантом: гораздо интереснее было спускаться по ней сверху, от истоков, но для этого уже требовалась автомашина. Решили посоветоваться с парторгом завода Юрием Павловичем Копыловым, ветераном войны, а в прошлом одним из первых комсомольских вожаков нашего города.

— У вас хорошая идея, ребята, — сказал он. — Ваш выбор одобряю. Я много слышал об Угре. — И, улыбнувшись, добавил: — Но только не от рыбаков. Это святая река нашей истории. — И, немножко помолчав, принял решение: — Машину вам выделят.

Юрий Зайцев — приборист цеха контрольно-измерительных приборов, Анатолий Сотсков — инженер вычислительного центра, Станислав Гуркин — слесарь гидротехнического оборудования, Николай Родин — конструктор проектного отдела, я и Сэд — большой черный пес, очень страшный с виду, но добряк и умница — таким окончательно определился экипаж первого, потом названного нами разведывательным, похода по Угре.

И вот, не без приключений преодолев свыше трехсот километров по дорогам трех областей, к вечеру одного обычного августовского дня мы разгрузились в небольшом поселке Всходы Смоленской области, и наши видающие виды лодки заколыхались на угрянской воде...

Ранним утром отправились в путь. Дышим свежим воздухом, любуемся чудесными берегами Угры.

Впереди показался остров, и Юрий направил нашу лодку в правую, узкую протоку, под сень сомкнувшейся над нею листвы. Быстрое течение подхватило и понесло: обдираясь о кусты, мы едва успевали веслами удерживать лодку носом по течению. Не вписавшись в крутой поворот, она с размаху врезалась в берег. Сэд, «де-

жутивший» на носу, по инерции вылетел в береговые кусты.

Удар оказался настолько жестким, что мгновенно вспомнился удар лопаты у первого нашего костра. Кстати, психологический шок еще долго преследовал нас, и всюду в земле мерещились снаряды и мины. Оттачив лодку и осторожно ощупав место удара, я извлек точно такой же снаряд, но без взрывателя и пустой, очевидно, разряженный саперами.

Поковырявшись немного в песке, извлекли автомобильную рессору, фары с хорошо сохранившимся зеркальным покрытием рефлектора, какие-то железки. Правый берег в этом месте ложбиной уходил наверх — явно старая дорога к броду. Пройдя по ней, уперлись в кукурузное поле.

Вернувшись к протоке. Глубина ее была около 10 сантиметров, галечное дно. Вокруг босых ног сновала масса мальков. Поддавшись слабости проверить свою ловкость, я нагнулся, чтобы прилепнуть рыбешку ко дну, и вдруг среди гальки увидел серый кругляш, оказавшийся трехкопеечной монетой 1865 года. Мы с Юрием буквально переворошили всю гальку на перекате, но так больше ничего не нашли.

Поплыли дальше. Километров через пять пристали к небольшому пляжику, который оказался как нельзя более кстати: можно было втащить и отремонтировать поврежденную при столкновении со снарядом лодку. Кстати, это был первый настоящий пляж, встреченный нами на Угре. Песок его оказался «поющим». Даже Сэд недоуменно бегал около наших ног,нюхая песок и растерянно вертя головой в поисках источника необычных звуков. У нас на Оке тоже есть «поющие» пески, но такого голосистого встречать не приходилось.

Неподалеку от нашей стоянки обнаружили туристские палатки. Подошли. Познакомились с ее обитателями. Алексей, так звали мужчину, с женой Зинаидой и дочерью Аленкой уже третий год проводили свой отпуск на Угре. По профессии оба врачи одной из московских клиник.

Завтрак решили устроить общий. До этого Алексей сказал, что ему необходимо отлучиться на полчаса, чтобы успеть в соседнюю деревню к утренней дойке. У дочери было что-то с желудком не в порядке, и ей помогало парное молоко. Заодно Алексей собирался принести какой-то необыкновенной родниковой воды из «свя-

того колодца». С ним пошли Николай и Станислав, которым поручили сделать разведку насчет бензина — у нас он был на исходе.

Мы с Анатолием тем временем заготовили ворох сушняка для костра. Ребята вернулись быстро. Бензина в деревне не было, а ближайшая дорога находилась в 10 километрах. Деревенский транспорт, как мы и предполагали, трактора с прицепами.

За завтраком наши знакомые рассказали, что стоянка на этом берегу у них традиционная: в деревне уже много знакомых, всегда привечают. Где-то в этих местах в 1942 году пропал без вести отец Алексея. Об этом ему рассказывал однополчанин отца.

— Их часть пробивалась на Кобелево, — Алексей кивнул на противоположный берег, — река была в разливе, шел лед. Последний раз тот товарищ видел моего отца именно в этой деревне. Он достал из кармана фотографию. — Каждый раз беру ее с собой на Угру... Послезавтра ему исполнилось бы 55 лет... — Вот и приезжаю сюда каждое лето поклониться памяти отца на его день рождения».

Для себя мы открыли этот район спустя несколько лет, когда наш поисковый отряд вновь побывал в этих местах. Старожилы рассказали некоторые детали разыгравшейся здесь в апреле 1942 года трагедии. Окружив плотным кольцом несколько наших дивизий, враг бросил на них самолеты, танки, мотопехоту.

Солнце уже поднялось над верхушками деревьев.

— Нам пора, — Анатолий собрался было поблагодарить хозяйку...

— А чай? — Зина обиженно обвела нас глазами. — По особому рецепту, на зверобое. Алешка называет его «угранским». Тем более на святой воде. Я так старалась...

Чай, действительно, оказался превосходным.

— Да это напиток богов! — Анатолий даже присвистнул языком. — Может, и правда в том роднике святая вода? — подмигнул он Станиславу.

— Не знаю, — улыбнулся Алексей, — почему его так называют в Борисенках, но вода действительно приятная, без железа, и в чайнике после нее никакой накипи.

Этот любопытный факт мы проверили в последующих экспедициях: действительно, вода родника была

вкусной, даже немного сладковатой. Видимо, к лицу «святых» он был причислен именно за свое резкое отличие от столь характерных для этого района железистых и неприятных на вкус источников.

Историю «святого колодца» мы узнали от местных жителей Анны Михайловны Мельниковой из деревни Новая Лука и Егора Григорьевича Афанасьева из Борисенок.

По преданию, этот целебный родник нашла девушка Катерина Моисеева и поставила здесь колодец. Этот район тогда был владением Юхновского монастыря, и к роднику ходили со всей округи — вода его считалась исцеляющей. Сюда приводили слепых, немощных, юродивых... К источнику приезжали князья, графы, другая знать из Юхнова, Вязьмы, Калуги. В 1812 году здесь бывал Денис Давыдов, когда его отряд вылавливал в местных лесах шайки французских мародеров. Позже у источника построили часовню с иконостасом. В войну она сгорела. Любопытно, что, читая «Дневник партизанских действий 1812 года» Дениса Давыдова, мы нашли упоминание об этих местах:

«Сначала все шло удачно, но вскоре разъезды уведомили меня: конная неприятельская колонна идет на дорогу, по коей я следую, и что в Федотково вступил неприятель.

Я немедленно поворотил вправо, на Борисенки, и, переправясь через Угру при Кобелеве, прибыл в Воскресенское, возле дороги из Юхнова на Гжать...»
(Д. Давыдов. Соч. Изд. «Худ. литература». М., 1962 г., с. 353.)

В своих походах по смоленской глубинке мы старались не упустить ни одной детали, даже если она не имела отношения к задачам данной экспедиции, ибо не заметить, пройти мимо яркого следа прошлого — безмолвного свидетеля истории сегодня, это, может быть, навсегда потерять его завтра...

На большом камне, приткнувшемся к левому берегу, мы увидели мальчика лет семи с длинным, корявым удильщиком. Подплыли ближе, выключили моторы. Вдали виднелись домики какой-то деревушки.

— Чего вам, дяденьки? — Малыш не спускал глаз с большого, страшного Сэда, залаявшего было, но сразу осекшегося после грозного окрика Юрия.

— Как тебя звать-то?

— Андреем.

— Извини, пожалуйста, Андрей, что помешали тебе. У кого бы нам в деревне купить картошки и огурцов? Сможешь сказать? Да? Ну тогда садись в лодку, вместе доедем.

Предложение мальчику понравилось. Он уселся на переднем сиденье. Юрий дал полный газ, лодка вышла на глиссер и как птица понеслась по зеркальной глади. Андрей, вцепившись в борт, с восторгом смотрел на убегающий назад лесистый берег. Встречный ветер трепал его светлые волосы. Он был счастлив...

Пристали у низкого деревянного моста над мелким перекатом. Неподалеку от берега лежал камень-валун, чем-то напоминающий надкусенное яблоко. Рядом из небольшой круглой воронки журчал родник. Я зачерпнул ладонями холодной как лед воды. И...

— Дяденьки, не пейте там! Беда будет! — Андрей, спотыкаясь о корявшую, истоптанную стадом землю, бежал к нам. — Пойдемте к моей бабушке, она вам все расскажет, ну пойдемте! — И он потянул меня за руку.

Подошли к неказистому домику с крышей из щепы.

— Откуда, касатики? — встретила нас с крыльца сгорбленная старушка.

Мы поздоровались. Представились как туристы из Москвы. Бабуся ответила низким поклоном.

— Мамаш, что это у вас родник такой опасный? — спросил я.

— Не пили? — обернулась она к Андрею.

— Нет, ба. Я не дал. — Андрей ласково поглаживал Сэда, который крутился вокруг него как юла, лизал руки, подобострастно заглядывая в глаза. Мальчик уже успел скормить собаке три пойманные им рыбки.

— Старики рассказывали, — начала старушка, — что на том камне громом убило молодую дивчину, когда она согрешила — пошла против воли родителей. Там и забил Черный ключ. А ее душа в лунные ночи носится по Угре, плачет и каётся до сих пор. Вода же в этом ключе дурная. У нас оттуда даже скотина не пьет...

— Сказки все, мать, не может такого быть...

— Могёт бысть, могёт бысть, — и старушка сердито махнула рукой. — Тут прошлым летом тоже одни туристы побывали. У Черного ключа вечером песни пели, плясали. А потом почтальон из Угры сказывал, что ка-

ких-то туристов от реки машиной увозили — всех си-
них, дьявол вроде в них вселился...

Впоследствии мы узнали, что действительно, год
назад, в больницу поселка Угра с реки привезли трех
туристов-байдарочников, чем-то отравившихся. Но в кон-
це концов все тогда обошлось благополучно.

Вошли в избу. Низкий потолок, маленькие оконца,
убогая обстановка. В углу иконы.

— Дед-то живой? — осторожно спросил Юрий.

Бабушка Аня, так звали старушку, кивнула на уси-
женный мухами портрет на стене — сильно подретуши-
рованную фотографию молодого мужчины:

— Ушел на войну и не вернулся. В военкомате по-
том сказали, что пропал без вести под Минском. Дочка
так и не видела его живого... У нее жизнь тоже не сло-
жилась. Живет в Вязьме. Наведывает нас иногда, го-
стинцы привозит, — старушка заплакала. — Вот и жи-
вем с внучком одни. Жалко его... Пока бог здоровье
дает, а там... Совхоз, слава богу, помогает...

Возвращались, нагруженные картошкой, луком, дру-
гой снедью. Даже большим бидоном молока.

— Андрей, где здесь поблизости есть рыбное ме-
сто? — спросил Станислав.

— Чуть ниже, у побитого дуба, — и поспешно до-
бавил: — Справа на бугре вы его сразу увидите. Вот
там на реке и есть самая хорошая рыбалка...

Отплывали на веслах. Долго смотрели мы на одно-
какие фигуры мальчика и его бабушки, добрых людей,
случайно встреченных, но оставивших в душе теплую,
приятную память.

Зато тень Черного ключа преследовала нас по всей
Угре. Так или иначе, чаще в шутку, но все беды, кото-
рых мы лишь чудом избежали в этом походе, были от-
несены на его счет.

При первом знакомстве с Угрой мы поразились не-
обыкновенной чистоте и прозрачности ее вод. В солнеч-
ную погоду на глубине до трех метров видно каждый
камешек. Воду поначалу пили, зачерпывая кружками
прямо из реки. Примечательно: особенно в верховьях
вода очень мягкая, приятная на вкус. После мытья го-
ловы волосы рассыпаются, становятся пушистыми и
очень сухими. Этого не сказать о некоторых других ее
больших притоках: вода из реки Воря мутная и на вкус

отдает тиной, а из Рессы — очень жесткая и имеет большой минеральный осадок.

Характерно, что большинство родников на Угре, как и вообще на Смоленщине, — минерального происхождения: на вкус очень сильно отдают железом. В некоторых из них концентрация железа настолько велика, что русла имеют окраску от темно-бурых до ярко-красных тонов...

— Посмотри, не тот ли это дуб? — Станислав все жаждал испытать свой новенький спиннинг.

Впереди показался широкий пles. На правом берегу из общего лесного массива к берегу подступала небольшая рощица, среди которой выделялся очень высокий кряжистый дуб. Под берегом, вдоль узкой глинистой дороги, из воды торчало несколько рогатин. Рядом сидел рыбак...

От него, Петра Спиридоновича Рученкова, местного старожила деревни Селибка, что неподалеку отсюда, мы узнали легенду «побитого дуба».

— Когда-то по Угре и ее левому притоку Гордоте проходила неспокойная граница Руси с Польским княжеством... Любопытно, что и сейчас жители Селибки называют своих соседей из деревни Сорокино, что на левом, северном берегу Гордоты, — русскими, а те селибчан — поляками.

...Однажды вражеский отряд напал на русскую заставу у высокого дуба, служившего сторожевой вышкой. Завязался бой. Дозорный на деревне успел дать сигнал другому посту: вскоре подоспели русские дружины. Поляки бросились бежать, но их окружили и разбили. С тех пор это место и называют «побитым дубом».

Кстати, на противоположном, левом берегу Угры местные ребята, которые лишь вскользь знают историю дуба, показали нам три заросших кургана: небольшие, правильной формы конусообразные бугорки, расположенные на одной линии, рядом.

Может быть, эти курганы — следы тех памятных времен?

Река впереди резко расширилась на очередном мелком перекате, мы едва успели выключить и поднять моторы. Правый берег резко понизился и перешел в большую, ровную лужайку, слегка возвышающуюся над рекой. Днища лодок заскребли по галечному дну.

Решили пристать к удобному берегу и наконец при-

вести себя в порядок: за три дня все обросли щетиной, да и в лодках требовалась уборка.

— А вот и деревня, — кивнул Николай в сторону нескольких домиков, показавшихся на берегу. Оттуда к нам бежали трое ребяташек лет 10—15.

— Как ваша деревня называется? — поинтересовался я.

— Волокочаны! — в один голос, будто ожидая этот вопрос, ответили оба приятеля старшего паренька.

Разгрузка лодок подходила к концу, когда к нам подошел невысокий, средних лет мужчина:

— Привет, туристы! Нужна помощь? А то давайте, как в старину... Вот и мальчики помогут. — И хитро улыбнувшись, добавил: — Только деревянных корыт в деревне ни у кого уже нет.

Смысл его слов мы поняли несколько позже.

Познакомились. Андрей Парфенович Парфенов, уроженец Волокочан, работал на Севере и каждое лето приезжал отдохнуть в родные места, к своей сестре Марии Парфеновне Григорьевой. Оказалось, что он знает наш город — Ступино — по одному предприятию, где бывал однажды в командировке.

Развели костер, прямо у реки накрыли стол. В разговоре открылись общие интересы, увлечения. Беседа затянулась...

— А почему все-таки деревня называется Волокочаны? — спросил я, улучив подходящий момент.

...В старину этот перекат доставлял много хлопот купцам, которые плыли по реке. Тогда по Угре проходил торговый путь, связывающий Волжскую и Днепровскую системы. На мелких перекатах товары приходилось разгружать, чтобы легче было перетащить ладьи. Работа эта была трудоемкая и отнимала много времени.

— По преданию, — продолжал Андрей Парфенович, — здесь, на особенно мелком и длинном перекате, возникло поселение бурлаков, которые стали обслуживать купеческие караваны. А чтобы не таскать товары вручную, они мастерили большие деревянные корыта — чаны, в которых легко перетаскивали по мелководью содергимое ладей. Отсюда и пошло название деревни, означающее: волок чанов.

— Довольно убедительная легенда, — Анатолий кивнул в сторону реки.

После обеда ребята предложили показать нам кур-

ганы 1812 года, где, по их словам, партизаны Дениса Давыдова разбили отряд французов. Предложение было заманчивым. Захватив фотоаппараты, я, Юрий и Анатолий отправились в путь...

Посреди ровного как стол поля, засеянного рожью, возвышалось два кургана. На одном из них, что побольше, росли две огромные, в два с лишним обхвата, сосны, а вершина его была вся изрыта глубокими еще траншеями последней войны. Поковырявшись на бруствере пулеметного гнезда, Женя, старший из мальчиков, молча подал мне несколько стреляных винтовочных гильз.

— Неужели из них по французам стреляли? — подмигнул было я Юрию.

— Зачем смеешься? — Женя отвернулся, обиженный неуместной шуткой. И, помолчав, холодно, с паузами произнес: — Курганы мешают пахоте, комбайнам... Но их никто не трогает... Это наше «Бородинское поле». Святое место... — Я буквально растерялся от этих его слов.

— Прости, Женя, разве я мог так подумать..

Путешествие наше по Угре продолжалось почти месяц. По пути встречались с интересными людьми, узнавали от них много такого, о чем раньше даже и не подозревали. И всякий раз поражались, как тесно на Угре переплелись события давней истории нашей Родины с тем, что происходило здесь совсем недавно, на глазах наших старших современников.

И естественно, у каждого из нас вызрела мысль — не ограничиваться вот таким поверхностным знакомством с этим замечательным краем, а посвятить наши последующие отпускные походы более глубокому изучению его истории.

Вернувшись домой в свое Ступино, мы прочитали в «Правде» большую статью «На Светлынь-реке», в которой ее автор Я. И. Макаренко рассказывал об Угре, ее прошлом и настоящем, призывал сохранить для потомков эти районы как природный и исторический заповедник средней России.

Автору статьи мы послали восторженный отзыв и сообщили ему о наших намерениях создать историко-краеведческую группу для изучения следов боевого прошлого, которые хранят эти заповедные места. В своем ответе он одобрил нашу идею и дал несколько практи-

ческих советов по организации такой группы и основным направлением ее деятельности.

Переписка, а потом и личное знакомство с Я. И. Макаренко наложили свой отпечаток на становление и дальнейшую работу группы «Память». Писатель, ветеран, прошедший через всю войну и присутствовавший в качестве военного корреспондента «Правды» на подписании акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии в Берлине, автор таких книг, как «Ленин в Польше», «По военным дорогам», «Штурм рейхстага», «С Россией в сердце» и др., Яков Иванович, пожалуй, первым четко сформулировал нам цель военно-краеведческих исследований — героико-патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Всей группой мы встретились с Я. И. Макаренко в 1975 году, когда привезли ему на рецензию большой фотостенд, приготовленный нами к 30-летию Победы. Яков Иванович принял нас в редакции «Правды», в своем рабочем кабинете, что уже явилось выражением доверия к патриотическому начинанию самодеятельной группы. А его положительная оценка еще больше вдохновила нас и осенила новой идеей, которую мы осуществили в последующих походах: сбор воспоминаний участников событий, происходивших осенью 1941 года и зимой и весной 1942 года здесь, на Угре.

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ

Свой очередной поход на Угру мы начали все с того же поселка Всходы. Но добирались теперь до него на автобусе, который нам выделил наш завод. Остановившись возле школы, мы сразу же попали в окружение местных ребятишек, которых, видимо, привлекла наша компания — все в одинаковых куртках с надписью на спине: «Ступино. «Память».

— На братской могиле уже были? — поинтересовались ребятишки и доложили: — Там семь тысяч наших похоронено...

Братская могила советских воинов расположена над Угрой, в центре поселка. Пожалуй, это было все, что мы знали тогда о Всходах.

Теперь же мы решили разузнать подробности прошедших здесь боев.

— Кто может об этом рассказать?

Почти все окружающие нас сошлись на одном: «Распросите Титову Веру Гавриловну. Всю жизнь прожила здесь...»

Мы разыскали Веру Гавриловну и записали ее рассказ:

— Фашисты пришли во Всходы 5 октября 1941 года. Мне тогда было восемь лет, и все происходило на моих глазах. Сразу были арестованы работники исполнкома, милиции и других советских органов. Моя сестра была коммунисткой, судьей райцентра. Ее вместе с матерью расстреляли в первый же день...

После оккупации много молодежи было отправлено в Германию. Фашисты увозили скот, шерстяные изделия, даже обыкновенные прялки.

В окрестных лесах валялось много оружия, оставшегося от сентябрьских боев. Однажды ребятишки нашли миномет и пальнули из него: мина случайно угодила в дом на окраине поселка, где жили немцы. За это они расстреляли 14 человек гражданских, среди которых и тех четверых мальчишек — 10—13 лет...

До оккупации в поселке был госпиталь наших солдат. Поначалу немцы его не тронули: даже некоторых раненых разрешили взять в дома одиноких старушек, инвалидов и т. п. Потом вообще объявили его запретной зоной и никого из местных к нему не подпускали. Только мы, ребятишки, ухитрялись тайком носить раненым хлеб и картошку. Госпиталь обслуживали наши легкораненые. Питание — баланда из гнилой картошки и конина из падали...

В этом госпитале, вплоть до его ликвидации, находился известный ученый Леонид Алексеевич Кулик, первый исследователь тунгусского метеорита: пожилой, очень худой человек с добрыми глазами. В госпитале все называли его по имени и отчеству. С первых же дней войны он пошел в ополчение. Где-то недалеко отсюда его часть попала в окружение, в бою он был ранен и оказался в нашем госпитале. Кулику Л. А. тогда было около 60 лет. Помнится, он ходил с костылем, припадая на правую ногу...

Потом в книге «Говорят погибшие герои» мы нашли письмо Л. А. Кулика из того госпиталя:

«Сегодня, 21 октября 1941 года, районное село Всходы Смоленской области.

...Пасмурно, ветreno, дождливо! Снег стаял, трепещут оставшиеся на деревьях

листья и летят в одиночку по воздуху.
В селе безлюдье, люди прячутся в немногих пригодных для жилья зданиях,
Оживлен лишь тракт, по которому движутся немецкие машины всех видов и размеров, иногда длинные эшелоны пленных.

Горе осенило своим крылом Родину.
Кто же я и что же я?

Сейчас я прежде всего раненый. Рана на ноге улучшается, но медленнее, так как я растравляю ее: толкуюсь с утра и до вечера, ибо я, во-вторых, санинструктор. А проще говоря, санитар временном лазарете для советских раненых в селе Всходы...

Сперва я был на перевязках и операциях... Теперь за мной сохранили на операциях общий наркоз и прикрепили детскую палату. В ней 6 пациентов: Маня, Нина, Паня (3—5 лет), Ваня (12 лет), Дуся и Поля (17 лет)».

И еще одно письмо, от 28 октября 1941 года:

«...Глухая полночь. Густой трупный смрад от загнивших ран... Плотный, тягучий, липкий воздух насыщен стонами, животным воем, дикими выкриками... Нестерпимо душно. В тусклом полумраке от коптилки страдальчески светится голубой глаз (другой выбит) мальчика, хорошего мальчика с разорванным осколком животом...»

(Изд-во политической литературы.
М., 1979, с. 32.)

Продолжаем запись рассказа Веры Гавриловны:
«С появлением в нашем районе зимой 1942 года кавалеристов генерала Белова немцы эвакуировали госпиталь в Спас-Деменск. Где-то по дороге всех-тяжелораненых расстреляли. Впоследствии мы узнали, что Куллик Л. А. был зверски замучен в гестапо Спас-Деменска за то, что отказался служить гитлеровской Германии...
Близ поселка много безвестных могил, особенно в сосняке на берегу Угры, где немцы расстреливали нацистов. Однажды весной 1942-го я своими глазами видела

ла, как фашисты повели расстреливать двух наших пленных. У последнего дома перед лесом один из них, молодой парнишка, попросился в туалет. Немцы расхотались, но пустили его, а сами, в ожидании, закурили.

Солдат потихоньку выломал доски в задней стенке туалета и ползком, а потом бегом бросился к лесу. Совсем немного не добежал он до первых деревьев: один из конвоиров навскидку выстрелил, нога у парня как бы подвернулась, и он упал. Добили его штыками...

С фашистами заодно было и несколько местных предателей. Во Всходах из них организовали карательный отряд — 13 человек. Командовал этим отрядом немец по фамилии Пален. Эта группа вылавливала партизан, которых было много в нашем районе, а также местных жителей из тех, что помогали партизанам. И тех и других сразу расстреливали...

Этого Палена обнаружили в ГДР, где он жил под своей фамилией. Ему было уже 62 года...

До процесса я ездила в Ростов-на-Дону для опознания там людей из карательного отряда Палена. Они уже отсидели за предательство и на суде проходили как свидетели. Дружно обличали своего бывшего начальника.

Суд проходил в Берлине. Я также присутствовала там в качестве свидетеля грязных дел фашистского убийцы. По памяти Пален нарисовал схему нашего поселка: все улицы, переулки и дома, а крестиками указал места, где он и его люди расстреливали советских людей. Он признал, что во Всходах лично расстрелял 58 человек, хотя, по-моему, это число должно быть гораздо большим...

Суд справедливо определил убийце высшую меру наказания».

Воспоминания Титовой В. Г. как бы продолжает рассказ жителя деревни Мариуполь, что недалеко от Всходов, рабочего поселка «Полдневский» Ивана Яковлевича Янкова.

«До войны в нашей окруже работал врач Голодов Борис Ефимович, по национальности еврей. Все любили его за большое профессиональное мастерство и душевную чуткость: в любое время дня и ночи он спешил туда, где требовалась его помощь.

Когда пришли немцы, он стал прятаться по деревням, тайком наведываясь к больным, а также к ранен-

ным солдатам, которых местные прятали у себя в подгребах, на чердаках и в сарайях... Но кто-то донес, что местный врач еврей и помогает раненым красноармейцам. Фашисты долго охотились за ним и наконец поймали в деревне Польднево. Там его и расстреляли на глазах всей деревни...

Летом 1942 года я был очевидцем, как по дороге на Пустошку фашисты гнали колонну наших пленных. Оборванные и исхудалые, они еле волочили ноги по пыльной дороге. У моста через Угру, по дорожным тумбам, местные жители разложили для них хлеб, вареную картошку. Один из колонны бросился к тумбе, схватил хлеб и обратно бегом в строй.

Его примеру последовали было другие, но фашисты уже приготовились к охоте. Со смехом, как бы предлагая пленным добыть себе кусок хлеба, они уже держали винтовки наготове.

И отчаянные находились... Но большинство из них попадали под пули. Раненых добивали конвоиры, которые замыкали колонну.

Помню, один молодой парень успел схватить хлеб с тумбы, но тут же его настигла пуля, а может и несколько, потому что выстрелили одновременно два конвоира. Он упал, но из последних сил успел бросить хлеб своим товарищам...

Немцы не стали его сразу добивать, а подождали, пока пройдет вся колонна и увидят, как он корчится в предсмертных муках... Только потом один из замыкающих солдат подошел к нему и хладнокровно выстрелил парню в затылок...

Более десятка убитых еще долго валялось на дороге: немцы не разрешали к ним подходить...»

Старожилы рассказали, что в братскую могилу поселка Всходы были перенесены останки расстрелянных фашистами местных жителей, убитых гитлеровцами национальных военнопленных, советских воинов, погибших в боях под Всходами.

Из истории Великой Отечественной войны мы узнали, что в октябре 1941 года 4-я танковая армия гитлеровцев, заняв Всходы и Юхнов, прорвала наш фронт и, используя многократное превосходство в силах, устремилась на восток к Москве, оставляя в своем тылу отдельные части и соединения Красной Армии.

В стороне от этого главного удара фашистских войск остался район левобережья Угры выше Юхнова.

Здесь не было значительных сражений. Просто велись, как тогда говорили, бои местного значения, каких было великое множество и по линии фронта, и за ней — на оккупированной врагом территории.

Нашу группу «Память» этот район заинтересовал возможностью исследовать то, о чем мало было написано и в исторической, и в мемуарной литературе.

Так началось наше «открытие». Суковки, Беляева, Красной Горки и других сел и поселков, где в окружении мужественно сражались наши воины.

Под Суковку, где мы решили разбить свой базовый лагерь, приехали только к вечеру. В этот день крупно не везло нашему автобусу: дважды он застревал в глубоких ямах на большаке Юхнов — Вязьма, а последний раз — в трясине под Климовым Заводом, на Собже, за которой, по словам местных жителей, должна быть сносная дорога на Красную Горку. Но туда прорваться нам не удалось.

Грязные и усталые, мы тем не менее быстро разбили лагерь, развели костер. Купание удачно совместили с «крещением» четырех новичков в Угре: эта традиция возникла у нас в 1973 году, но на этот раз ввиду приближающегося вечера мы нарушили ее: новичкам разрешили раздеться, а затем, как положено, раскачав, одного за другим бросили в реку под дружные восторженные вопли «ветеранов».

За ужином, когда все собирались за столом, Юрий объявил:

— Завтра маршрут на Беляево, шесть километров. Придется форсировать Угру. За брод не ручаюсь: может, по пояс, а может, и по уши. Но в любом случае брать с собой одежду: идем на люди.

...Брод действительно оказался глубоким. Некоторые девушки, отдав свою одежду ребятам, «форсировали Угру» вплавь. Остальные, растянувшись цепочкой и высоко подняв руки с одеждой и фотоснаряжением, переходили реку по дну: местами вода доходила чуть ли не до ушей.

Первым на левый берег вышел Виктор Нестеров и, пока мы обсыхали и одевались, успел сделать местную разведку. Среди его находок была солдатская каска с небольшим гребешком — отдушиной в верхней части и широко отогнутыми краями. Такие каски, как мы потом установили, были перед войной у наших солдат западных приграничных округов. Видимо, и здесь, под

Беляевом, кто-то из них принял свой последний бой с врагом: в каске была рваная дыра от осколка...

Интерес к деревне Беляево у нас возник не случайно. Как-то раз ко мне на работу позвонил один знакомый:

— Геннадий, тут мой товарищ, увидев в городе ваш стенд «По следам огненной метели», очень расстроился. Вы рассказываете о его родных местах, но ни слова о деревне Беляево. А там у них во время войны происходило много интересных событий. Сам он стесняется об этом сказать, но если ты не против, я устрою вам встречу с ним.

Через несколько дней вместе с Юрием Зайцевым и Виктором Нестеровым мы встретились с Анатолием Яковлевичем Пашковым, 1925 года рождения, ныне работник одного из предприятий города Ступино. В нашей беседе принимала участие его мать, Пашкова Анна Михайловна. Оба они были родом из Беляева. Там и встретили войну...

Как всегда, сначала поговорили о сегодняшнем дне, городских проблемах, о международной обстановке. Мы рассказали о своей группе, обследованных районах под Юхновом. Иначе говоря, настроили собеседников на воспоминания о войне. И вот что тогда записали:

«Первые бомбы в нашем районе упали в Юхнове в июле 1941 года, на территорию колхозного рынка. Теперь этого рынка уже нет, на этом месте построено здание узла связи. Было много убитых и раненых. В начале октября бои под Юхновом шли несколько дней. Как потом мы узнали, особенно сильный бой происходил у моста через Угру: по слухам, там дрался отряд пограничников.

С той стороны день и ночь слышалась беспрерывная стрельба. Ночью небо освещали яркие всполохи пламени, а днем над лесами стелился черный дым.

В первых числах октября фашисты заняли Юхнов. Они рвались к Москве, поэтому им было не до нашей глубинки. В деревне жизнь пока шла своим чередом: в доме у Коренных был военный госпиталь, а на полевой аэродром регулярно прилетал наш самолет, привозивший снаряды и оружие окруженым бойцам. Он же забирал раненых.

У нас в Беляеве стояла какая-то воинская часть, судя по всему, сборная, солдаты были из разных родов войск, все выходцы из окружения. В нашем доме жи-

ли трое связистов. Помню только их фамилии: Казак, Клементьев и Дербенев. Они говорили, что идут с боями от самой границы.

Над Юхновом кружили наши самолеты, в основном тяжелые бомбардировщики. Отбомбившись где-то на Варшавке, они низко над землей быстро уходили на восток, но часто их догоняли и сбивали немецкие истребители.

В этот период около десятка самолетов было сбито над деревнями Суковка и Папаево: очевидно, наши летчики до последнего тянули к большим лесным массивам, где было легче посадить машину и укрыться от врага в глухих дебрях.

Летчиков, выбросившихся с парашютом, мы с ребятами подбирали и переправляли на свой берег. Из самолетов прихватывали большие шелковые мешки с патронами: наши солдаты в Беляеве нуждались в боеприпасах...

В середине октября фашисты пришли и к нам. По большаку, со стороны Юхнова. Восточнее деревни завязался бой, но силы были неравными, и наши отошли в леса...

Рассказ продолжает Анна Михайловна, мать Пашкова А. Я.

«Наступила зима. К нам в Беляево немцы наведывались периодически. Так, для порядка. Но однажды немецкий патруль задержался в деревне: трое фашистов в одном из домов набрались самогону и разомлели. И остались в селе. А надо сказать, что с января 1942 года в наших краях объявился отряд лыжников. Это были, по слухам, десантники Красной Армии. На большаке Юхнов — Гжатск (ныне Гагарин. — К. Г.) они громили фашистские базы, а к ночи возвращались на свою базу.

Вот они и наткнулись в нашей деревне на опьяневших фашистов. Связали их и оставили временно в большой избе Сосничевых. Пока наши бойцы решали, что делать с пленными, Пелагея Сосничева, у которой война к тому времени отняла троих сыновей, кричала на фашистов, проклинала Гитлера, страшала их вилами...

Один из немцев, хорошо говоривший по-русски, упросил наших солдат отпустить их с миром: мол, служба, вреда они никому не причинили, только патруль. И что если их убьют, то за это немцы могут сжечь деревню и расстрелять всех жителей. Офицер обещал ни-

чего не сообщать своему командованию о десантниках. Наши поверили немцам и отпустили их...

Но уже утром из соседней деревни Горенец, где стоял немецкий гарнизон, к нам в Беляево нагрянул отряд эсэсовцев на мотоциклах. Матвея Сосничева избили до полусмерти, а потом накинули ему на шею ветвьку, и Пелагея, жена его, босиком по снегу тащила труп мужа в Горенец, где и ее зверски убили. У них осталось семеро детей...

В конце февраля 1942 года по деревне прошел слух, что из Юхнова последовал приказ о выселении нашей деревни и ее уничтожении. Женщины говорили также, что в селе Ново-Успенское немцы выкапывают с кладбища трупы своих солдат и куда-то увозят. В эти дни со стороны Юхнова доносилась стрельба, там кружили наши самолеты.

5 марта всех местных жителей по льду через Угру погнали к большаку Юхнов — Вязьма, где сажали в автомашины и отправляли на запад...»

Записав воспоминания Пашковых, мы решили во что бы то ни стало побывать в этом самом Беляеве...

И вот наша цель близка. Идем лесом, по азимуту. Шли-шли и... заблудились. Вместо Беляева вышли к деревне Батино. У околицы нас встретили ребятишки.

Когда мы объяснили им цель нашего визита, они, в свою очередь, признались, что «вели» нас от самой Угры и все не могли взять в толк: почему это взрослые дяди и тети вместо того, чтобы идти по прямой дороге, крадутся рядом, по заросшему лесу, как партизаны...

Вместе с ребятишками мы прошли по деревне. У одного из домов ребятишки остановились:

— Дядь Саш! — крикнул один из них.

На крыльце вышел невысокий худой мужчина...

Он старожил и жил здесь еще до войны. Вспоминает Александр Ананьевич Воронов, житель деревни Батино, работник совхоза «Беляевский»:

«К нам фашисты нагрянули внезапно: утром деревня проснулась от лязга танковых гусениц и криков на чужом языке. В нашем доме тогда поселились шесть солдат сunter-офицером.

К Москве немцы шли уверенно. С собой везли домашние тапочки, попугаев и канареек в клетках. Почти у каждого — губная гармонь. Поначалу мирное население они не трогали. Очень любили кур. Выменивали их у местных за керосин.

Перемену в них заметили зимой. Фашисты озлобились, при каждом удобном случае пинали нас, ребяташек.

Где-то в ноябре 1941 года неподалеку от деревни упал наш бомбардировщик с четырьмя бомбами. Летчики спаслись. В деревне их переодели в гражданское, и они ушли в сторону фронта. На память подарили Толе Пашкову, моему товарищу из Беляева, карманные часы.

На следующее утро из деревни Горенец, где стоял гарнизон, пришли фашисты: все искали по домам кого-нибудь с упавшего бомбардировщика. В этот день, когда шел обыск, Толя пришел в нашу деревню к ребятам похвалиться часами.

На улице его остановил патруль. На всякий случай обыскали. Один из солдат, финн, взял часы себе. Когда Толя запротестовал, солдат в ярости дернул затвор автомата... Разумеется, фашист не знал, чьи это часы, иначе Толю стали бы допрашивать и пытать. А ведь именно он привел в деревню тех летчиков...»

Так, вместе с другой информацией совершенно случайно мы узнали еще один эпизод военного прошлого из жизни своего земляка Анатолия Пашкова, который, беседуя с нами, об этом эпизоде даже не вспомнил. Обратно возвращались уже по дороге, теплая пыль которой приятно согревала подошвы. Ветра не было, солнце палило вовсю.

Впереди показались избы какой-то деревеньки. Она встретила нас тишиной и покоем. Было воскресенье, и, наверное, все отдыхали. Тишину блюли даже собаки, которые, зло вертя хвостами, молча провожали нас недружелюбными взглядами.

Не желая беспокоить своим появлением деревню, решили обойти ее по опушке леса. Половина группы уже спустилась в лощину, когда с дороги послышался свист. Виктор махал нам рукой, призывая вернуться.

На дороге они беседовали с велосипедистом, пареньком лет десяти.

— Это деревня Папаево. Здесь есть памятник на братской могиле, — сказал Юрий, когда мы подошли. — Вот мальчик может показать человека, который знает его историю.

Этим человеком оказался Андрей Ефимович Исаченков, работник совхоза «Беляевский». Кстати, его жена Анна Константиновна — сестра той самой Пелагеи Сос-

ничевой, которую зверски убили фашисты в 1942 году.

Андрей Ефимович вспоминает:

«В начале 1942 года в наших местах действовал лыжный десант полковника Ермоленко. Снабжался он по воздуху: самолеты сбрасывали продовольствие и боеприпасы.

Десантники совершили диверсии на Гжатском большаке, а также делали налеты на Горенец, где стояла моторизованная часть немцев. Фашисты сбились с ног, гонясь за этой группой. База десантников была где-то в лесу около Беляево, а леса гитлеровцы боялись...

Выследили их только к середине февраля 1942 года. Говорили, кто-то из местных предателей указал расположение в лесу базы этой группы. Тьма фашистов окружила лес. Прилетало множество самолетов их бомбить...

В конце февраля 1942 года здесь вели наступление части Красной Армии. Нашу деревню освободил стрелковый полк 49-й армии. Тогда от немцев очистили весь наш берег и около месяца, до разлива реки, держали плацдарм на том берегу Угры. В боях за деревню погибло много красноармейцев и командиров...

Весной, когда сошел снег, местные жители собрали вокруг деревни останки наших солдат и похоронили их в братской могиле, рядом с дорогой, недалеко от того места, где был наиболее жестокий бой.

В 1956 году в деревне стали копать пруд и случайно задели эту могилу. Много останков оказалось на дне пруда. Всей деревней собрали их и перезахоронили. А в 1961 году над могилой поставили памятник...»

Высокая белая пирамида, увенчанная красной звездой, возвышается на южной окраине деревни, справа от дороги, если ехать от Юхнова на Беляево. На одной ее грани надпись: «Бойцам и командирам 954-го полка 49-й армии». На другой, обращенной к дороге: «У храбрых только бессмертие. Смерти у храбрых нет!»

У памятника лежали венки. На одном из них красная лента с надписью: «ОСВОБОДИТЕЛЯМ. От учеников и учителей Беляевской школы».

Мы сфотографировали памятник, а Юрий снял его также на кинопленку.

Однинадцать букетиков полевых цветов оставили мы у этого памятника, каждый почтил память героев, историю которых нам поведали местные жители.

В газете «Красная звезда» от 2 апреля 1980 года я

случайно прочитал воспоминания ветерана, дравшегося на Угре в 1942 году. Статья называлась «Первое партийное поручение». Автор ее, Пигарев Г. М., рассказывал о тяжелых боях в районе Беляево, упоминал 954-й полк. Николай Смирнов предложил послать ветерану снимок того памятника в Папаево. Так и сделали. Вместе с теплым письмом послали также ряд фотоснимков, сделанных тогда, 1 июня 1979 года.

18 мая получили ответ от Григория Максимовича Пигарева, ныне жителя Белгорода. Это было большое и трогательное письмо. Приведу некоторые выдержки:

«Наш 954-й полк входил в состав 194-й стрелковой дивизии, которая называлась Туркестанской. Три раза за войну дивизия вела бои на славной Угре. В 1941 году она насмерть стояла у села Товарково, сдерживая натиск наседающего врага.

В 1942 году вела наступательные бои за Юхнов, у Колыхмановского моста, который я очень хорошо помню: тогда середина его была взорвана, и он одним концом лежал в реке. На ваших снимках мост очень похож на прежний. Скорее всего это он и есть: восстановлен старый...

После боев у моста наша дивизия освобождала восточный берег реки. На этих рубежах, под Беляевом и Горенцом, мы простояли в обороне до октября 1942 года, после чего дивизию перебросили под Курск...

Когда я увидел фото памятника, его надписи, поговорьте, по спине прошел холодок. Как-то необычно остро вспомнились суровые февральские бои, потери товарищей, оставшихся навечно на тех берегах...

Особенно трогают венки: молодое поколение не забывает своих защитников. Теперь о жителях далеких угренских деревенек, их уважении и поклонении памяти советского солдата знают и у нас, в городе первого победного салюта — Белгороде.

С глубоким уважением к благодарной работе вашей группы, Пигарев Г. М.».

Но, давайте вновь вернемся к суровым дням 1942 года.

Нам удалось записать рассказ участника штурма Юхнова, ныне жителя города Каширы Антилова Ивана Федоровича. Свел меня с ним тоже ветеран, Вишняков Петр Андреевич, бывший воин-дальневосточник. С Антиловым И. Ф. их связывала многолетняя дружба, поэтому каждый из них знал о боевом пути друг друга.

Свой боевой путь Антипов И. Ф. начал от южных рубежей обороны столицы в составе 108-й отдельной коммунистической дивизии. До войны он окончил Рязанское артиллерийское училище, а в полку был командиром взвода. Под Стalinогорском (ныне Новомосковск) лично подбил два фашистских танка, за что был награжден медалью «За отвагу». Дрался на Косой Горе под Тулой, освобождал Юхнов.

Здесь хочется заметить из нашей практики: в беседах с ветеранами порой очень трудно бывает «расшевелить» их память. И тем более, если делать это насильно, в лоб. Воспоминания войны лежат сегодня на большой глубине, под гнетом и впечатлениями более чем четырех десятков лет с их житейскими радостями и заботами. Но если осторожной, заинтересованной беседой проникнуть в эту глубину, наружу вместе со скопией слезой сам вырвется поток ярких, живых воспоминаний. Так и Иван Федорович после долгих предварительных попыток разговорился и поведал нам историю того боя:

«...Ночью войска скрытно подошли к Угре и заняли исходные рубежи в прилегающих к реке лесах.

Перед атакой наши разведчики добыли «языка». По его словам, фашисты считают Юхнов неприступной крепостью: боеприпасов там заготовлено на четыре года войны. Вокруг города несколько колец обороны, мощные замаскированные укрепления, зарытые в землю танки, сплошные минные поля. Кроме того, надежное авиационное прикрытие.

После мощной артподготовки войска рванулись вперед. Наша дивизия форсировала Угуру левее моста, искощенный остов которого был обрушен в заледенелую реку. Как сейчас помню это раннее утро 5 марта 1942 года...

С правого берега гитлеровцы обрушили на нас шквалий огонь из всех видов оружия. Над нами на бреющем полете проносились самолеты с черными крестами, сбрасывая бомбы и поливая наступающих свинцом. Казалось, что река вышла из берегов от трупов, запрудивших ее. Снег и всколотый лед были красными от крови.

Мы бежали, спотыкаясь о тела наших убитых и раненых товарищей. Страха не было... Ничего не было. Только злость! Ненависть к огненной полосе на берегу, которая косила нас свинцом и поливала струями из огнеметов...

Иван Федорович весь как-то съежился и, опустив

глаза, тихо произнес: «Угру я перебегал по трупам... Помнится, даже не замочив сапог. — Потом скромно улыбнулся и добавил: — А Юхнов мы все-таки взяли!..»

В 1972 году, когда Угра была значительно ниже своего ординара, чуть выше автомобильного моста, между остатками деревянных свай наша лодка едва не напоролась на рваные края железной балки, по сей день торчащей в реке. А на высоком левом берегу, по которому мы поднимались к памятнику на холме, встречались рваные осколки авиабомб и снарядов, хвостовики мин с немецкими надписями на стартовых патронах. Такие находки не редкость там и сегодня.

Иван Федорович продолжал свой рассказ:

«В какой-то деревеньке под Юхновом, не припомню ее названия, фашисты перед самым уходом расстреляли 29 человек — стариков, женщин, детей. Моему отделению поручили их похоронить. Судя по трупам, раненые добивались. Следы штыковых ударов были даже на телах детей...»

О том, что при отступлении гитлеровцы очень жестоко расправлялись с гражданским населением, нам приходилось слышать не раз. Но в таких случаях наиболее ценной мы считаем ту информацию, которая в той или иной мере отвечает трем вопросам: «Кто? Где? Когда?» Иногда при встречах и разговорах с местным населением в моем блокноте появляются короткие записи, своего рода блицинформация. Приведу одну такую запись, ибо она ярко иллюстрирует сказанное выше:

«30.05.79 г. Юхнов.

Корзенков Виктор Семенович, 37 лет, местный, капитан РОВД.

Близ Варшавского шоссе, перед Зайцевой Горой, на окраине деревни Юсовка весной 1942 года при отступлении фашисты сожгли около 800 человек.

Могила находится справа от шоссе, примерно в двух километрах. Ориентир — деревня Кавказ. Сейчас эта местность пустынна.

Об этой трагедии Виктор Семенович знает со слов своего отца, Корзенкова Семена Яковлевича, который сейчас проживает в деревне Грачевка Мосальского района.

Рассказ слышали: Бойков, Нестеров, Федорова». Думается, нельзя кого-то обвинить в том, что заброшенная братская могила. Слишком много их на Смоленщине, отдельные уголки которой война превратила в без-

людную пустошь, где и по сей день бездорожье, глухие леса и болота.

Но вернемся к Юхнову, и теперь уже с запада. Однажды, это было в 1977 году, мы проезжали этим маршрутом после посещения мемориала на Зайцевой Горе. Автобус был переполнен: 27 человек, среди которых четверо ребятишек в возрасте около 11 лет, поэтому шофер не спешил; машина ехала на средней скорости. Мы проходили здесь не первый раз, все памятники были осмотрены, описаны, и вдруг:

— Стойте! Там что-то красное! — крикнул Андрей, один из пареньков.

Все прильнули к стеклам, но за листвой деревьев уже ничего не было видно. Автобус остановился на обочине. Николай Смирнов с Андреем пошли на разведку.

...Метрах в 30 от шоссе, среди лесной чащи, обнявшись стволами, растут две старые березы. Кривые стволы и нижние ветви их повязаны пионерскими галстуками. На стволе одной из берез еще хорошо читалось вырезанное: «Нас было се...» Остальные буквы терялись в наслежиях старой коры. Сколько их было? Семь или семнадцать? Так или иначе, но время донесло современникам последнее письмо безымянного героя, погибшего на этом рубеже.

Вокруг берез — ограда из толстой, кованой цепи, а рядом — мемориальная плита с надписью:

«Здесь 23 февраля 1942 года подвижная группа Западного фронта в составе воинов 1154-го стрелкового полка 2-й гвардейской танковой бригады, разведчиков 344-й стрелковой дивизии под командованием капитана Г. О. Кузнецова, прорвавшись в тыл врага, отбила у противника участок Варшавского шоссе, перерезав единственную дорогу к фронту. Ценой своей жизни отважные воины на трое суток задержали движение живой силы и техники противника, что способствовало успеху наших войск под Юхновом.

Вечная память героям Великой Отечественной войны».

Вот точные координаты этого памятника: 246-й км Варшавского шоссе, справа от дороги. Ближайшая деревня здесь — Людково, на 244-м км.

Когда мы остановились в этой деревне, вокруг автобуса сразу собирались местные ребятишки, которых, видимо, привлекли яркие надписи на его бортах: «Экспедиция «Память».

Как обычно, наш вопрос был конкретным: «Кто в деревне может предельно точно рассказать о том бое у березы?» Поначалу мнения ребят разошлись, однако, что называется, разложив по косточкам каждого кандидата для такой беседы, сошлись на одном — председателе сельсовета. В сопровождении ребят всей группой мы отправились на его поиски.

Вот рассказ председателя Людковского сельсовета Дурманова Михаила Никифоровича:

«Зимой 1942 года немцы стягивали к Юхнову большие силы, так как ожидали крупного наступления наших войск на этом участке фронта. Однажды ночью большой отряд советских бойцов с орудиями и противотанковыми ружьями скрытно подошел к шоссе со стороны Мосальска...

В ту зиму Варшавка представляла собой узкий коридор между огромными снежными валами. Фашисты заставляли местное население утрамбовывать этот снег и поливать его водой, чтобы ледяная корка препятствовала раздуванию его ветром. Кроме того, ледяные валы являлись защитой дороги от возможных атак на нее из подступающих вплотную лесов.

За ночь наши бойцы сделали в этом ледяном желе-бе завалы из деревьев. Немецкая колонна появилась к полудню со стороны Рославля. Ее сопровождали танки...

Бой шел до вечера, и стрельба не прекращалась ни на минуту. На следующий день со стороны Юхнова к фашистам пришла подмога: несколько танков и грузовики с солдатами. Наших стиснули с двух сторон, орудийные выстрелы раздавались все реже. Чаще слышались автоматная стрельба и разрывы гранат...

После того боя на березе и появилась надпись: «Нас было се...» На этом она обрывалась. Видимо, наш боец так и не успел закончить свое послание живым...

А сгоревшие немецкие танки, их исковерканные орудия долго валялись здесь еще и после войны. По обе стороны вдоль шоссе от нашей березы...»

Характерно, местные жители, в том числе и ребятишки, когда речь заходит о березе, неизменно добавляют слово «наша». В Людкове это место свято. Здесь пионеры дают клятву верности традициям героических предков, а местные молодожены застывают на минуту в скромном молчании.

Дерзкая атака наших частей на Варшавке была лишь фрагментом крупной фронтовой операции совет-

ских войск по окружению и уничтожению в 1942 году под Вязьмой основных сил гитлеровской группировки «Центр». В этой операции тогда приняли участие наряду с другими соединениями части 1-го гвардейского и парашютисты 4-го воздушно-десантного корпусов, пехотные дивизии 33-й армии, партизаны.

По следам боев этих частей и пошла наша группа.

ЭТО БЫЛ «ОГНЕННЫЙ КОРИДОР»

27 января корпус генерала П. А. Белова прорвался через Варшавское шоссе в 35 км юго-западнее Юхнова и через три дня соединился с десантниками и партизанскими отрядами южнее Вязьмы... (*Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. АПН, 1974, с. 53*).

Так выглядело начало Вяземской операции 1942 года в масштабах всего советско-германского фронта, растянувшегося к тому времени от Баренцева до Черного моря. Всего несколько скучных констатирующих фактов.

А вот другой масштаб: воспоминания командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, генерала Павла Алексеевича Белова:

«Десять суток мы вели напряженные бои, пытаясь прорваться через Варшавское шоссе, чтобы войти в тыл противника. Для защиты этой артерии гитлеровцы не жалели ни сил, ни средств. По численности силы были приблизительно равны. Но немцы имели около 60 танков, а мы — только 8. Гитлеровцы господствовали в воздухе. Их самолеты с рассвета до темноты бомбили и обстреливали наши боевые порядки, тылы и обозы.

Для прорыва мы выбрали полосу леса, которая тянулась вдоль восточного берега реки Пополты до самого Варшавского шоссе. Под прикрытием темноты, отbrasывая вражеские заслоны, сабельные эскадроны переправлялись через шоссе. Как только начали бить немецкие батареи и на шоссе появились танки, на-

ши артиллеристы прикрыли фланги наступающих, но из-за нехватки снарядов огонь был непродолжительным. Не удалось прорваться за шоссе дивизионной артиллерией, минометным частям, не говоря уже об обозах.

Через сутки я приказал командиру 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майору Баранову начать прорыв через шоссе несколько правее того участка, где прорывались дивизии первого эшелона».

(Б е л о в П. А. За нами Москва. Вениздат, 1963, с. 177—183)

Именно с этих строк военных мемуаров начала наша группа исследование боев под Вязьмой в период с января по июнь 1942 года. И вот, взяв их за историко-документальную основу, мы решили максимально укрупнить масштаб — пройти по конкретным следам этих боев, встретиться с местными жителями, а возможно и с очевидцами тех событий.

Слева от шоссе, недалеко от восточного берега Полоты, есть памятник воинам 325-й стрелковой дивизии, обеспечившим прорыв корпуса в тыл врага. Но никакого памятника самим гвардейцам корпуса П. А. Белова на шоссе нет. Мы решили такой памятник здесь установить. И вот наша группа «Память» развернула поиск «несколько правее того участка, где прорывались дивизии первого эшелона».

Проехав через деревню Бардино, с трудом преодолев какие-то овраги и заболоченные участки, мы остановили автобус на высоком левом берегу Рессы, правом притоке Угры, на удобной площадке, которая, как потом узнали, служила позицией для немецкой артиллерийской батареи. Лагерь разбили внизу, на ровной зеленой лужайке. У самой реки.

От комаров не было спасения: они вились стаями и, не говоря уже об открытых участках тела, забирались под одежду, кусали сквозь трико спортивных костюмов, шнуровые отверстия кед. Наверное, это поймет каждый, кто хоть однажды испытал на себе комариные атаки: человек постоянно дергается, чешется, шлепает себя, где только возможно.

Вспоминается один эпизод того вечера: перед ужином, когда все уже расселись за столом, а в концерте,

звучавшем по транзистору, возникла короткая пауза, мы вдруг услышали из одной палатки приглушенный, истощный крик. Николай Смирнов, кинооператор, корчился в палатке в страшных муках: комары облепили его лицо, уши, плечи и щиколотки. Руки его находились в «черном мешке», где он перезаряжал кассеты кинокамеры.

Комариная пытка длилась всю ночь. И только под утро, когда свежий ветерок развеял их полчища, все вылезли из палаток с окровавленными лицами и руками. От волдырей зудела кожа, но сильнее было утомление. Мы повалились кто где и до полудня проспали мертвым сном.

Только вечером мы попали в Бардино, где записали воспоминания ветеранов.

Рассказывает старожил деревни Бардино, управляющий местным отделением совхоза Сергей Павлович Кондрашев:

«Зимой 1942 года на Пополте несколько дней шел бой: оттуда раздавались стрельба и взрывы. По шоссе в эти дни происходило сильное движение в обе стороны. Деревенских немцы даже не гоняли на расчистку шоссе от снега: от изб они не разрешали ходить дальше колодца.

Однажды ночью стрельба раздалась совсем близко, где-то на Лидии...

Овраг Лидия, находящийся к западу от деревни, на устах всех местных жителей, когда речь заходит о военных временах. Но гораздо чаще этот овраг они называют «Долиной смерти».

Сергей Павлович продолжает:

«Едва рассвело, в небе загудели самолеты и там загремели сильные взрывы. Бой на Лидии шел два дня, а стрельба не утихала даже по ночам. Как потом говорили, немцы бомбили в овраге дивизию генерала Белова. Об этом нам рассказывали жители деревни Лазино, которые потом прятали у себя раненых наших солдат...

Наши конники шли по шоссе по дну оврага, направляясь к верхнему болоту. Когда на шоссе завязался бой, немецкая авиация в первую очередь разбомбила дороги, чтобы отрезать путь нашим танкам. А потом принялась за овраг, по которому шла конница...

Весной был большой разлив: по Рессе две недели плыли трупы из Лидии...»

Рассказ Сергея Павловича дополнила Зинаида Ва-

сильевна Бышкова: «В те дни я жила неподалеку — в деревне Дятловке. Как-то днем к нашей деревне подошел отряд советских воинов. Немцы сразу заняли оборону и открыли огонь. Стрельба продолжалась до вечера. Мы сидели в погребе, и единственное, что помню, крики наших солдат: «Вперед, ребята, за Максимова!»

Наши выбили немцев из деревни, но пробыли у нас недолго и вскоре отошли за Рессу, к Лазино, потому что на подмогу немцам пришли танки и пехота из Юхнова. Но через реку они не пошли, а заняли оборону по Рессе и долго обстреливали Лазино и подступающий к нему лес, где укрылись наши войска».

Здесь же, в деревне, мы познакомились с ребятишками, которые назавтра пообещали провести нашу группу по Лидии. Встречу назначили по предложению самих же ребят на семь часов утра: им очень не терпелось провести москвичей маршрутом той дивизии, показать нам «Долину смерти», историю которой в округе знает, как мы потом убедились, каждый местный житель.

Еще с вечера зарядили фотоаппараты, подготовили мешки для возможных находок, перезарядили батарею металлоискателя. С самого начала ребята предупредили, что путь будет дальшим, по дороге нет родников, поэтому лучше сразу запастись водой. Но мы пренебрегли этим советом...

Сразу за деревней Лазино начинался глубокий овраг, заросший лесом. Первое, что показали ребята, был ржавый кузов немецкого двухдверного автомобиля с открытым верхом. Сзади и на правом боку его было несколько пулевых пробоин.

В одном месте увидели большие кости и лошадиный череп, а в размоине на дне оврага, по всей видимости, человеческие останки. Наверху, среди кустарника, наши товарищи сфотографировали металлическую бочку, изрешеченную пулевыми пробоинами. Такие бочки мы встречали в этих краях и раньше. В войну они использовались немцами для психологического воздействия: брошенная с самолета, такая бочка издавала пронзительный свист или вой, создавая эффект большой бомбы. Многие, пережившие войну на фронте и даже в тылу, испытали на себе такое психологическое оружие: леденящий душу визг падающей на их головы смерти.

Ближе к шоссе овраг постепенно поднимался, переходя в ложбину и, наконец, в неглубокое топкое болото. Здесь уже попадались какие-то колеса, куски танковых

гусениц, бочки-печки со спекшимся от времени пеплом, разбитые походные кухни и т. п.

С момента выхода на маршрут прошло уже около трех часов. Все устали, и нестерпимо хотелось пить. Виктор Нестеров первым подал пример: напился болотной воды сквозь материю носового платка.

Вода была тухлой, очень противной, отдавала ржавчиной. На полчаса сделали привал. Мешки с находками были уже переполнены, но самое интересное, по словам ребятишек, оставалось впереди, поэтому они сами сделали «ревизию» нашим находкам, удалив из мешков добрую половину их содержимого, аккуратно сложили все это в кустах у дороги.

До Варшавского шоссе оставалось всего метров две-сти, когда по следам стала четко угадываться линия со-прикосновения наших войск с немцами. Вся местность буквально была усеяна гильзами от патронов. В сторо-не валялась башня легкого танка Т-26. Нашли мы здесь сошники от пулемета Дегтярева, исковерканые стволы винтовок, коробку радиостанции, на которой была от-тиснута пятиконечная звездочка.

Ребятишки, которых Юра уже обучил обращению с металлоискателем, лазали в болоте, по колено в топ-кой хляби. Среди их находок был пулемет Дегтярева с полным диском, несколько касок и один неразорвав-шийся снаряд. Ребята очень ухватились за эту наход-ку, но Николай, отняв снаряд, забросил его на середину болота, в глубокое место.

Почти перед самым шоссе, когда сквозь деревья уже можно было видеть проезжающие автомашины, лес был весь усеян стрелянными гильзами, белеющими тут и там человеческими костями. По всей видимости, здесь когда-то шел рукопашный бой: гильзы попадались и совет-ские и немецкие, вперемешку. То же самое и каски: про-стреленные, измятые, просто их осколки. На многих не-мецких касках где едва угадывалась, а где очень четко сохранилась на левом виске эмблема: серебристый орел, сжимающий в когтях фашистскую свастику.

Все разбрелись по окраине болота. Каждому хоте-лось найти что-либо уникальное, неповторимое. К сожа-лению, тогда никто из нас не имел представления о сол-датских медальонах — небольших пластмассовых фут-лярчиках, которые, несомненно, могли находиться здесь, среди многочисленных останков.

Наиболее яркими находками тогда оказались не-

сколько солдатских ремней. На одном из них сохранилась пряжка, и он был застегнут на последнюю дырочку. Бирюков Коля примерил его на свою талию.

— Наверное, это был или мальчишка, или совсем худой паренек, — задумчиво произнес он, бережно опуская ремень в полиэтиленовый мешок. — Мой дед ведь тоже пропал без вести где-то в начале войны. А вдруг это он, его ремень, кто знает...

Другой яркой находкой была немецкая каска, проломленная на макушке чем-то тупым. В ней сохранилась алюминиевая обойма подшлемника, на которой среди прочих надписей отчетливо проступали цифры «1939» и, видимо, название фирмы-изготовителя «Золинген». Изнутри, в нижней задней части, над отштампованными цифрами «3822» белой краской была нанесена подпись его владельца, что-то вроде Х. К. Целлер.

Таким образом, у нас больше не оставалось сомнений, что именно здесь, на Лидии, прорывался второй эшелон корпуса П. А. Белова, не успевший проскочить левее, у Пополты. Здесь войска пробивались сквозь подготовленную оборону фашистов, шли в лоб, и, судя по следам боя, схватка доходила до рукопашной.

Работы по изготовлению мемориальной плиты развернулись сразу после января 1977 года, в преддверии экспедиционного сезона. Володя Кузнецов сделал основание из «нержавейки», Виктор Нестеров выполнил красивую чеканку по толстой меди, а Юрий Зайцев и Володя Генералов изготовили стеклотекстолитовую плиту и выгравировали на ней надпись.

В мае плита была уже готова, и о ней знал почти весь завод.

Многие заходили посмотреть на плиту: одни критиковали якобы ее недолговечность, малые размеры и т. п. Но мрамора у нас не было, и вообще мы исходили из возможностей своего завода. Тем более, это был наш первый шаг в мемориальной работе по следам минувшей войны...

Выезд был назначен на 14 июля, и заводской комс- орг, Володя Деев, вплотную занялся комплектованием состава участников похода. Когда до выезда группы осталась неделя, о нашем мероприятии узнал только что вышедший из отпуска заведующий парткабинетом завода Николай Григорьевич Коломенский. Он сразу собрал нас:

— Ребята, это очень хорошее и благородное дело, но необходима и формальная сторона. В частности — разрешение местных властей на установку памятника в их районе. Пока сделать это еще не поздно. Где вы собираетесь ставить плиту? Мосальский район?

На следующий день он заказал телефонный разговор с Мосальским ГК КПСС. Оттуда ответили: плиту разрешаем ставить только в ограде существующего памятника близ Пополты, и, кроме того, нужно срочно выслать в Мосальск ходатайство на установку плиты, ее внешнее описание и текст надписи. Все это заверить ответственными подписями и печатью.

К указанному нами времени Мосальск обещал выслать своих представителей, а также большую группу пионеров местных школ.

Для нас это было неожиданностью и первым уроком; установка любого самодеятельного памятника историческим событиям своей Родины — ответственнейшее мероприятие. Оно готовится заранее, тщательно уточняется. Здесь исключены ошибки. И нужен митинг. А это мы и упустили.

Наконец все хлопоты остались позади. И вот мы на месте.

Близился вечер, поэтому заночевать решили на Пополте, поближе к тому месту, где назавтра было намечено устанавливать плиту. Еще в прошлых походах, проезжая через мост над Пополтой, мы обратили внимание на удобную зеленую лужайку внизу, справа от шоссе. И почти каждый раз видели на ней легковые машины и туристские палатки. На этот раз лужайка была свободна, что, естественно, нас очень обрадовало.

Хорошо укатанная дорога круто спускалась налево от шоссе, заворачивала под мост и упиралась прямо в эту лужайку. Дорога была туниковой, а накатали ее, видимо, автотуристы.

Здесь, около шоссе, Пополта — большой ручей. Под мостом его берега бровень с дорогой. Дальше постепенно поднимаются и переходят в глубокий желоб, поросший деревьями и кустарником. Много сушняку. Короче, райское место для отдыха...

Быстро поставили палатки, разгрузили автобус, разожгли костер. В реке нашли «омут», где было чуть выше колена. Тем не менее все по очереди приняли здесь освежающую с дороги ванну. За разговорами, песнями под гитару просидели у костра до полуночи.

По палаткам всех разогнал мелкий дождь, который с перерывами стал накропывать еще с вечера...

Утром нас разбудили громкие крики:

— Подъем! Скорей, мужики!!!

— Что случилось? Может, война? — спросонья удивился Юрий и протянул руку за изголовье, где лежал радиоприемник.

Там захлюпала вода...

— Потоп!!! — закричал он вдруг.

Сон отлетел мгновенно, и мы пулей выскочили из палатки. Вокруг бушевала стихия. Казалось, что и не было здесь глубокой ложбины с мирно журчащей внизу Пополтой, не было живописной поляны, на которой мы разожгли костер и спокойно поужинали... Над всем этим теперь бесновалась вода, грязная, мутная вода. Автобус, как остров, возвышался над ней, волны бились уже выше осей его колес.

Под мостом, откуда мы заезжали, творилось невообразимое: стиснутый бетонными быками поток закручивался жгутом, пенился, буквально рычал. Дорога назад была отрезана...

Первые минуты растерянности вскоре прошли: все бросились спасать то, чего еще не унесла вода. Освободили палатки и со всем содержимым оттащили их повыше на сухое место. Быстро, к счастью, завелся мотор автобуса, но машину постоянно приходилось толкать: колеса буксовали по скользкой траве, обдавая нас черной, липкой грязью.

Метров через 300 начинался лес, а от шоссе автобус отделял глубокий кювет. Шофер рискнул: попытался преодолеть его с разгона, но не получилось. Только через час, подрыв кювет лопатами и набросав в него веток, перемазавшись грязью с головы до пят, мы наконец вытолкали его на асфальт.

— Ура-а-а! — прокатилось над дорогой. Это была победа, потому что под колесами нашего автобуса вновь была дорога, Варшавское шоссе.

Вернулись к Пополте: вода там поднялась еще выше и, по мнению нашего водителя, теперь бы залила выхопную трубу, не вытащи мы автобус вовремя.

Автобус уже трогался, когда Нестеров вдруг закричал:

— Стой! Плиту забыли! Она же теперь утонула!

Действительно, в суматохе никто не вспомнил о плите, которую сам Виктор накануне вынес из автобуса,

чтобы взглянуть, как она смотрится на фоне зеленой травы.

...Там, где мы ее забыли, было уже по пояс. На поиски плиты ушло около часа. И вновь многократное «ура!» всей команды разнеслось над бушующей Пополтой...

Последствия наводнения для нас были, конечно, не из приятных. Не говоря о тряпках — палатках, матрасах и одежде, насквозь промокли фотоаппараты, радио-приемники, продукты. Уплыла или утонула посуда, ведра, единственная паяльная лампа. Под водой остались топоры, ножовка и т. п. хозинвентарь.

Но уже вскоре эти мелочи были начисто забыты. Тем более, выглянуло солнце, как бы подведя черту всем тревогам, которые доставила нам коварная Пополта в то раннее утро 15 июля 1977 года. Вновь слышались шутки, взрывы хохота по поводу отдельных эпизодов нашего приключения.

Из Мосальска к назначенному часу никто не приехал. Выждав некоторое время, мы установили плиту, провели короткий митинг, в заключение которого Нестеров произвел над плитой торжественный салют из охотничьего ружья.

В заключение церемонии составили акт, который гласил:

«Составлен о том, что экспедиционной группой военно-исторической секции «Память» турсовета завода стеклопластиков города Ступино Московской области в ознаменование 35-летия героического прорыва 1-го гвардейского кавалерийского корпуса через Варшавское шоссе в тыл фашистской армейской группировки «Центр» в 1942 году

15 июля 1977 года в 11 час. 30 мин. на 235-м км Варшавского шоссе, в 15 м слева от дороги установлена мемориальная плита, состоящая из:

1. Чеканного барельефа с цифрами «1942», солдатской каской и лавровой ветвью.

2. Плиты с выгравированной надписью: «В этих местах в январе 1942 года с тяжелыми боями прорывал

оборону фашистов 1-й гвардейский кавкорпус П. А. Белова, следуя на соединение с частями Красной Армии в районе Вязьмы».

3. Пластины с подписью «От туристов г. Ступино Московской области. 1977 год».

При закладке плиты присутствовала вся группа экспедиции, от имени которой подписались:

Руководитель экспедиции

Г. С. Коротков

Члены группы

*В. М. Нестеров, Ф. Н. Газина,
Н. Н. Смирнов, В. Д. Бойков.*

Калужская область, Мосальский район, 235-й км Варшавского шоссе, 15.07.77».

Уже потом, вернувшись домой, мы сняли копию с этого документа, заверили его подписями руководителей нашего завода и отослали ее официальным письмом в отдел культуры города Мосальска.

В конце 1977-го и начале 1978 года в районных газетах города Ступина и Каширы был опубликован наш отчет об июльской экспедиции 1977 года.

Вскоре мне позвонил секретарь нашего ГК ВЛКСМ М. М. Филиппов:

— Ребята, с вашей группой хочет встретиться Т. М. Горб. Лучше это сделать у нас, в горкоме. Назначайте день...

Трудно сказать, как дальше развивалась бы деятельность нашей группы, если бы не знакомство с нашим земляком, ветераном гражданской и Великой Отечественной войн Терентием Моисеевичем Горбом. В 1941 году он был председателем Каширского райисполкома, когда к стенам этого старинного русского городка подошли танковые полчища гитлеровского генерала Гудериана. Но на оборону Каширы вместе с другими соединениями подоспел кавалерийский корпус генерала П. А. Белова...

Терентий Моисеевич от всей души приветствовал начинание группы «Память»: пройти по следам боевого подвига кавалеристов. Ведь после боев под Каширой,

где корпусу было присвоено звание гвардейского, ему было поручено быстрым маневром достичь Юхнова, попытаться захватить его, а затем прорваться сквозь линию фронта и войти в тыл врага, чтобы вместе с другими соединениями овладеть Вязьмой и тем самым окружить и уничтожить гитлеровскую группировку «Центр», действующую на Московском направлении.

Именно с помощью Терентия Моисеевича мы познакомились со многими ветеранами: кавалеристами и десантниками, воевавшими тогда, в 1942 году, под Вязьмой.

Кроме того, мы установили тесный контакт с советом ветеранов 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, который возглавлял к тому времени бывший командир 41-й кавалерийской дивизии этого корпуса Михаил Иосифович Глинский, ныне генерал-лейтенант запаса.

Переписка, личные контакты с ветеранами — у них дома, на многочисленных встречах со ступинской молодежью, которые организовал наш ГК ВЛКСМ, позволили нашей группе еще более приблизиться к давним событиям 1942 года, более конкретно сориентировать свои экспедиции на определенные районы Смоленщины.

В конце 1976 года в журнале «Наш современник» были опубликованы некоторые главы документальной повести «Поход без привала». Написана она была по материалам походного дневника генерала П. А. Белова. Кстати, оригинал этого дневника хранится в экспозициях Центрального музея Вооруженных Сил в Москве. А автор повести, В. Д. Успенский, был в последние годы жизни П. А. Белова его личным другом и редактировал его воспоминания «За нами Москва», выпущенные Воениздатом в 1963 году.

Тогда мы написали В. Д. Успенскому о своих исследованиях на Варшавском шоссе, о готовящейся установке плиты и ее предполагаемом тексте. Позже пригласили его поехать с нами на установку и открытие плиты, на что он с радостью согласился.

К сожалению, болезнь помешала Владимиру Дмитриевичу принять участие в нашем походе, но зато сразу после его завершения мы послали В. Д. Успенскому документальный отчет с копией акта, фотографиями.

Вскоре в адрес группы «Память» он прислал экземпляр своей книги «Поход без привала» с такой авторской припиской:

«При жизни П. А. Белов сказал бы спасибо за ту работу, которую проводит ваша группа, сберегая память о конногвардейцах. Беру на себя смелость поблагодарить вас от имени моего старшего друга — Павла Алексеевича Белова, которому посвящена эта книга».

СУДЬБА СОЛДАТА

Однажды в адрес группы пришло письмо от нашего земляка Утолина Даниила Ивановича, которое начиналось словами: «Прочитал вашу статью «Дорогами восточной Смоленщины», и вновь ожили воспоминания войны. Для меня она началась на тех кровавых дорогах в 1941 году...» Далее ветеран рассказывал о своем боевом пути, полном трагизма и горечи, которые война принесла на нашу землю, в человеческие судьбы. Заканчивалось письмо словами: «Убедительно прошу ответить мне, инвалиду».

Письмо, где упоминались уже знакомые нам деревеньки, яркие эпизоды, которые совпадали с рассказами их старожилов, наконец, крик души, пронизывающий каждую его строчку, напомнили, что мы, современники уходящего военного поколения, последние, кто может узнать о войне из первых уст от прямых ее участников. Вместо письменного ответа мы с Юрием Зайцевым решили побывать у Д. И. Утолина.

Он встретил нас на пороге своего дома в деревне Воскресенки:

— Здравствуйте. Неужели это вы? — На глазах у него выступили слезы. — Я ночами не сплю после той газеты... Проходите, товарищи...

Воспоминания Утолина, как, наверное, и многих тысяч его современников, могли бы стать сюжетом книги о трудной судьбе простого солдата, начавшего войну в трагическом для нашей Родины 1941 году: отступление на восток, окружение под Вязьмой, ранение. Потом партизанский отряд, бои в тылу врага, снова ранение, плен. Концлагеря в Шуях, на Зайцевой Горе, в Ельне, Орше. Потом побег, бои в составе 170-й дивизии 2-го Белорусского фронта до весны 1945 года, когда он опять был ранен в Восточной Пруссии.

Характерно, воспоминания рядовых солдат в отличие от воспоминаний офицерского состава не изобилуют конкретными датами или географическими пунктами.

Солдат выполнял свою боевую задачу — взять высоту, овладеть траншееей и т. п. Это закон войны: каждый должен выполнять строго определенную задачу, лишняя информация может только принести вред — перед пытками устоит не каждый, а вырванная врагом тайна может обернуться крупным поражением и неоправдаными жертвами.

Свой боевой путь Д. И. Утолин начал под Смоленском в составе 333-го артиллерийского полка, водителем тягача 203-миллиметрового орудия.

Где-то восточнее Смоленска полк занял оборону по берегу какой-то речушки. Зарылись в землю, приготовились к отражению атаки.

«Вдруг поутру, — рассказывает Даниил Иванович, — небо на западе неожиданно потемнело. Не грачи ли, думаем. Но это оказалась бомбардировочная авиация фашистов... Земля дрожала от разрывов, стонали раненые, все было в огне...»

Подцепив уцелевшие орудия, отступали трое суток. Боеприпасы кончались, вся надежда была на «катюши», которые прикрепили к артиллерийской части еще в августе. По ночам особенно четко угадывалась линия фронта, освещенная огнем пожаров, взрывов, осветительными ракетами: фронт катился по пятам, обходил справа и слева.

«На третью ночь осветилось небо впереди, на востоке — мы окружены! В голову колонны выдвинули три «катюши» и прямой наводкой открыли огонь по какой-то деревне, надеясь пробить коридор...

Когда «катюши» замолчали, все бросились вперед, в огонь, за которым могло быть спасение, могли быть свои... Последнее, что помню, — сильный взрыв на том месте, откуда били «катюши». Видимо, в тот момент ракетчики подорвали свои машины, чтобы они не достались врагу.

Очнулся я утром в большом сарае, где было около сотни раненых, пол залит кровью, вокруг стоны, хрип. Я был ранен в обе ноги, которые, распухнув как бревна, возвышались над туловищем. В том сарае мы проводили два дня. К вечеру пришел староста деревни Семен Фомич, привел двух легко раненых красноармейцев. Помнится, фамилия одного из них была Лазарев. Они принесли соломы, накормили каждого баландой из соевой муки. От них узнали, что находимся мы в деревне Дяглево, недалеко от Вязьмы.

На следующее утро в сарай вошел немецкий офицер с переводчиком: осмотрели каждого, тех, кто мог держаться на ногах, вывели на улицу; больше мы их не видели. За ночь умерло человек 20. Еще три дня, пока в деревне стояла немецкая часть, к нам никто не приходил.

На четвертый день опять пришел дядя Семен, и всех оставшихся в живых на подводах перевезли в дом, где раньше помещался сельсовет. Перетаскивали нас в основном женщины, которым помогали ребятишки лет 12—14.

Двое солдат топили печь и два раза в день давали по пол-литра баланды. Первое время к нам приходила девушка-санитарка, которая оказывала посильную помощь. Один раз и мне она сделала полную перевязку обеих ног. Звали ее Наташа, такая чернявенькая, вроде нерусская. Все говорила: «Потерпите немного, скоро наши придут...»

Прошло около месяца. С трудом я уже начал вставать. В помещении было душно, запах тяжелый, каждое утро за дом, в большую яму, выносили мертвцев. Из 105 человек нас осталось немногим более 30. В ранах заводились черви, и такие раненые уже не стонали, а кто был в сознании, только плакали, рассказывали о родных местах, вспоминали матерей, жен, детишек. Просили, кто останется в живых, сообщить до мой, называли адреса.

Однажды дядя Семен подошел ко мне и сказал: «Пойдешь жить к одинокой старушке. Ты ее сын. Понял?» Ночью пришла женщина и отвела меня в дом на краю деревни. Старушка жила с девочкой лет пяти, которую родители привезли на лето из Москвы, но так и не успели забрать обратно. Бабушка Марфуша растирала мне ноги какими-то отварами, клала компрессы, сильно пахнувшие дегтем.

Где-то в конце января 1942 года меня и группу других мужчин, тоже из окружения, дядя Семен свел в лесу с начальником партизанского отряда: всех переписали и сразу же предупредили: «Оружие достанете в бою! А пока все пригодится — топор, вилы, даже дубина...»

Первый бой в составе отряда мне пришлось вести за ту же деревню Дяглево, где остановилась моторизованная немецкая часть. Мы ворвались ночью и, как обычно, с двух сторон, чтобы создать видимость окружения.

От трассирующих пуль загорелись некоторые дома. Фашисты кто в чем бросились к своим машинам и мотоциклам.

Увидев, что языки пламени появились на крыше дома бабушки Марфуши, я бросился туда. Неподалеку полыхала какая-то машина, видимо, бензовоз, ярко освещая все вокруг. В тени дома я вдруг увидел немца в белых кальсонах, который лихорадочно дергал стартер мотоцикла: подкравшись сзади, я с диким криком бросился на него. Мы опрокинулись в коляску, и я прижал фашиста горлом к ее краю... От него сильно разило спиртным...

В ту же ночь, пока немцы не опомнились, наш отряд с боем захватил деревню Савино и с двух направлений стал наступать на поселок Семлево. На поле нас заметили и пулеметным огнем прижали к земле. Всю ночь немцы жгли над полем осветительные ракеты и поливали нас свинцом.

Утром фашисты не пошли в атаку, а вызвали самолет, который на бреющем полете расстреливал оставшихся в живых. К вечеру началась пурга, но только немногие вернулись назад, к спасительному лесу. Большинство наших товарищей были убиты или замерзли там, под Семлевом...»

Здесь я прерву воспоминания Д. И. Утолина рассказом, который мы услышали в Семлеве от председателя сельсовета Ракова Михаила Никифоровича:

— В начале 1942 года Семлево удерживали гарнизон фашистов и группа полицаев, которую они сколотили из дезертиров и предателей. В середине февраля отряд десантников и партизан разгромил в Дяглеве штаб немецкой дивизии и завязал бой за Семлево. Но атака была отбита... Весной все поле перед поселком было усеяно трупами наших солдат в белых накидках. Хоронили их уже после освобождения поселка, так как немцы никого из местных не пускали на это поле.

Семлево освободили 13 марта 1943 года. Поселок лежал в пепле и руинах, только в центре уцелело единственное здание — двухэтажная кирпичная школа. Здесь разместили госпиталь. Раненых все прибавлялось, поэтому вокруг поставили походные палатки. 18 марта школа взлетела на воздух. Покидая поселок, фашисты заминировали ее большим снарядом, а наши

саперы просмотрели ловушку. Погибло много людей, среди них наша землячка, старший лейтенант медицинской службы Хоцянова Наталья Львовна.

Не та ли это «санитарка Наташа», о которой упоминает Д. И. Утолин? Ведь многое сходится: имя, то, что она местная, и, наконец, по фотографии на ее могиле — юная черноволосая девушка. Было очень жаль, что редакция в нашей статье о походе опустила эпизод рассказа М. Н. Ракова о взрыве Семлевской школы, как и имя Хоцяновой Наташи, спасшей к тому времени жизни многих сотен советских бойцов. Возможно, добрая память согрела бы душу кому-то еще, чьих ран коснулись когда-то руки этой девушки.

Но вернемся к воспоминаниям М. Н. Ракова:

«На территории Семлевского сельсовета четыре братские могилы. Самая большая из них здесь, в центре поселка. В ней захоронен 4461 человек, а достоверно известно только 246 фамилий погибших.

В 1973 году в эту могилу перенесли из деревни Лужки останки летчика. Его самолет был сбит над деревней в 1942 году. Сам он выбросился с парашютом. Долго отстреливался от наседавших фашистов, но последнюю пулю оставил для себя... Местные жители похоронили героя, оставшегося тогда безымянным.

В 1976 году неподалеку от того места стали ломать старый сарай, из-под гнилых стропил выпала планшетка, в которой находились документы летчика-лейтенанта. Фамилию его я не помню, но знаю хорошо, что ребятам из местной школы удалось разыскать его семью. Она проживает в Краснодарском крае. Почти ежегодно кто-нибудь из его родных приезжает к этой могиле.

К нам в Семлево приезжают люди со всех концов страны. Сюда, на братскую могилу, привезена земля из Подмосковья и Украины, Прибалтики и Сахалина, многих городов-героев. Здесь, под Вязьмой, в 1941—1942 годах погибло и пропало без вести большое число советских бойцов разных национальностей...»

В центре поселка, на холме, где стояла школа, сейчас мемориальный парк. Это заповедный уголок Семлева: рядом с шумным перекрестком, где трещат трактора и гудят автомашины, здесь — своеобразная тишина, остановившаяся временем.

Недалеко от того места, где стояла школа, растут три высоченные липы. На вершине одной из них — гнездо аистов. Раков рассказал, что птицы уже много

лет проводят здесь лето, высиживают птенцов. И рождение аистенка — большое событие, своего рода праздник для жителей поселка, радующихся этому символу новой жизни, добрых надежд, расцветающих над старыми воинскими могилами.

Память о героическом прошлом живет здесь и в сегодняшних делах пионеров. Достаточно сказать, что за три года красными следопытами было найдено несколько неизвестных захоронений, в которых обнаружены останки более 400 советских бойцов. А с помощью переписки, которую ведут пионеры, было найдено много семей солдат, погибших под Семлевом и лежащих в братской могиле мемориального парка.

Таково Семлево, небольшой смоленский поселок, где в молодых сердцах ярко горит вечный огонь памяти и уважения к подвигу своих предков, вдохновляя на продолжение и закрепление их традиций, на защиту идеалов, ради которых они отдали свои жизни.

Но вернемся к воспоминаниям Д. И. Утолина, многие товарищи которого лежат сегодня под гранитными плитами Семлевского парка.

В феврале 1942 года под Вязьму прорвались части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, под командованием которого были объединены все разрозненные отряды партизан, действовавшие до этого в одиночку.

Даниил Иванович продолжает:

«Для меня, жителя Подмосковья, было счастьем узнать, что беловцы пришли от Каширы, от моих родных мест. Сознание того, что враг отбит от столицы, всем придавало силы, уверенность в победе.

К весне 1942 года наш малочисленный отряд был включен в состав 329-й стрелковой дивизии майора Солдатова, с которой пришлось пройти по многим районам Смоленщины. Помнится, в апреле послал домой первое письмо: «Нахожусь в тылу фашистов. Жив, здоров». Тогда на лесных аэродромах мы принимали самолеты с боеприпасами и продовольствием, а на Большую землю они увозили раненых, почту, пленных немецких офицеров и генералов. Такие «трофеи» добывали обычно десантники, об отчаянных и дерзких подвигах которых у нас ходили легенды.

Дивизия наша была интернациональной: русские, украинцы, татары, узбеки, евреи. Был даже один немец, антифашист. Не помню его фамилии, но мы все звали

его Федя. Кроме того, в дивизии воевало много подростков в возрасте 14—15 лет, в том числе и девушки, которые были прекрасными разведчиками.

Мы были хозяевами лесов, и в эти леса немцы предпочитали не соваться. В период отступления 1941 года там было брошено много боевой техники: машин, орудий, боеприпасов и т. д. Нередко, найдя в лесу орудие и соответствующие боеприпасы, мы открывали огонь по ближайшей, занятой немцами деревне, а затем врывались туда и добивали спрятавшихся в погребах и на чердаках фашистов, забирали продовольствие — и опять в лес.

Базировались мы обычно в одной из деревень вдали от больших дорог. На такие деревни фашисты время от времени устраивали карательные экспедиции на танках и бронеавтомобилях, при поддержке авиации. Поэтому приходилось постоянно быть в движении и менять базы.

Не всегда приходилось есть горячую пищу: над лесами постоянно летали самолеты, высматривая дым от костров, базовые лагеря, пути наших передвижений.

Большие трудности испытывали мы с ранеными. Когда не было возможности спрятать их в надежной деревне, клали на лыжи и брали с собой в лес. Сознавая, что раненые — обузда подвижному отряду, они сами просили товарищей прикончить их, даже умоляли об этом, но я не припомню такого случая даже в критических ситуациях: ни разу мы не бросили на произвол судьбы ни одного раненого, ибо каждый знал, что такое может случиться в любой момент с каждым из нас.

Нередко приходилось вести бои с продавшимися врагу изменниками Родины. Они в отличие от немцев не боялись лесов и под видом партизан засыпали к нам шпионов, нападали на деревни, пытаясь восстановить местное население против настоящих партизан.

Эти предатели были коварнее фашистов, потому что предатель — враг вдвое: он, как затравленный зверь, дерется отчаянно, насмерть, покупая тем самым у своих хозяев право на свою ничтожную жизнь...

К концу весны снабжение по воздуху ухудшилось. Стал ощущаться недостаток продовольствия, боеприпасов. Приходилось бросать орудия, другую технику. Стрелковое вооружение бойцов было в основном трофейным, ибо к нему легче доставать боеприпасы. Одеты тоже были кто в чем: шапки и пилотки, фуфайки и не-

мецкие шинели, валенки и просто тряпье, защищающее ноги.

В начале июня беловцам был дан приказ выходить к своим на юг через Варшавское шоссе, где частями наших армий будет подготовлен встречный удар.

После прорыва под Ельней шли к линии фронта через районы, контролируемые партизанским полком имени Лазо. Местность была болотистая, покрытая глухими лесами. Но теперь войска двигались и днем: распустившаяся листва надежно скрывала нас от воздушных разведчиков.

Чем могло, местное население помогало нам сделать последний бросок к линии фронта. Но как встречи, так и расставания в этих деревнях были нерадостными — войска уходили на Большую землю.

Вскоре мы стали все чаще подвергаться воздушным налетам. Очевидно, противник был в курсе нашего маршрута. К шоссе подходили по старой лежневке — дороге, выстланной бревнами. Вокруг была трясина. Накануне прорыва наша колонна пропустила вперед большой отряд на конях — как говорили, штаб группы. Вперед прошел также длинный обоз с ранеными. К вечеру сосредоточились в лесном массиве, где-то перед шоссе. Нашей дивизии было приказано прикрывать тыл группы от возможного удара в спину. Как всегда, перед бурей наступило тягостное затишье.

Вдруг в черное небо взвились три красные ракеты. «Вперед, пошел!» — прокатилась по цепям команда. Сжимая в руках оружие, все дружно бросились туда, где еще не растаял след сигнальных ракет...

Через некоторое время впереди поднялось огромное зарево: там был ад. Огонь все нарастал, снаряды рвались уже вокруг, все заволокло едким дымом. Как обезумевшие, мы метались в этом вихре, потеряв всякую ориентировку...

Прорваться через Варшавское шоссе удалось тогда не всем. Два месяца группой около 10 человек Д. И. Утолин с товарищами без карты и компаса бродили по лесам, питаясь листьями, корой, а то и гнилым мясом убитых лошадей.

«...Голод все более давал о себе знать. Нередко приходилось встречать большие стаи волков, которые были сыты падалью и не бросались на нас, а возможно, и принимали за своих: таких же злых, обросших и, наверное, утративших человеческий запах...

Сегодня, вспоминая то время, скажу: голод страшнее нестерпимой физической боли, даже смертельной схватки. Голодный слабеет в полном сознании своего бессилия: тело как ватное, в глазах туман... И только переживший такое поймет, чем была тогда для человека простая, черствая, но сытная, ни с чем не сравнимая корка черного хлеба.

Вот и сейчас, когда приходится увидеть на дороге или в отбросах, что уж там корку — батон, мне становится больно. Слишком быстро мы забыли настоящую, живую цену русского хлеба...

Трое тогда умерли от истощения. Двое отстали и не вернулись... И осталось нас пятеро.

В начале сентября, отчаявшись, зарезали корову, отбившуюся от стада. Неосторожно, трассирующим патроном, разожгли костер. Выстрел привлек внимание фашистов. Утром наша группа была окружена, и, когда на призыв сдаться мы ответили очередью из последних патронов, фашисты пошли в атаку. Бой был неравным. Один, что с автоматом, в последний момент подорвал себя гранатой, другого, раненного в поясницу, немцы добили на месте. Меня ранило в голову: пуля задела череп на затылке. И снова я оказался в плена...

Нас построили, и мы пошли, опираясь друг на друга, как винтовочная пирамида. Фашисты смеялись, подталкивая нас прикладами. Вскоре один упал, но немцы не дали его поднять. Уже за спиной мы услышали винтовочный выстрел...

Нас привели в концлагерь села Шуи, что недалеко от Варшавского шоссе. Оттуда и до самого побега летом 1943 года была фашистская каторга по многим лагерям Смоленщины и Белоруссии.

Много страшного пришлось повидать и пережить потом, но бои на Смоленщине останутся на всю жизнь самыми трагичными воспоминаниями войны...»

Ныне Утолин Д. И. в преклонном возрасте. В своем селе онуважаемый житель: по его настоянию вместо ветхого деревянного моста построен капитальный, отчего наладилась устойчивая транспортная связь села с районом. Регулярно работает автолавка: этот вопрос также много лет лихорадил деревню, пока за него не взялся Д. И. Утолин, пенсионер, инвалид Великой Отечественной войны.

Мы неоднократно встречались с ветераном, записывали воспоминания, уточняли отдельные эпизоды его

боевого пути, географические названия, имена. В 1980 году по этим материалам в местной газете была опубликована статья «Судьба солдата».

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ ПРОРЫВА

«После прорыва 1-го гв. к. к. через Варшавское шоссе в тыл врага под Вязьмой, для его усиления и установления взаимодействия с частями Калининского фронта Ставка приказала выбросить в район Озеречни 4-й воздушно-десантный корпус и 8-ю воздушно-десантную бригаду...

К тому времени немецкое командование перебросило из Франции и с других фронтов в район Вязьмы крупные резервы и сумело стабилизировать там свою оборону, прорвать которую мы так и не смогли...

Находясь в тылу противника, корпус П. А. Белова, группа М. Г. Ефремова и воздушно-десантные части вместе с партизанами наносили врагу чувствительные удары, истребляя его живую силу и технику...»

(Жуков Г. К. «Воспоминания и размышления», т. 2, АПН, 1974, с. 53 — 54.)

Вяземский рейд 1942 года военные историки считают неудачной операцией минувшей войны. Сказывалась нехватка опыта у наших военачальников, недостаток резервов. Вяземский рейд поэтому не нашел должного отражения в исторической и мемуарной литературе. Но для тех, кто воевал там, в глубоком тылу врага, бои под Вязьмой остались в памяти глубокий след. Поэтому что все пять месяцев солдат находился на передовой, где не было тыла, а линия фронта, как это принято называть, проходила через его сердце.

С одним из участников вяземского рейда мы познакомились на встрече, посвященной Дню Советской Армии, которую наш ГК ВЛКСМ организовал в городском Дворце культуры.

Зал был полон: учащиеся школ, рабочая молодежь.

От нашей группы на встрече присутствовали Юрий Зайцев и Николай Смирнов. Одно выступление особенно привлекло внимание наших ребят. На трибуну вышел энергичный, спортивного вида мужчина, увешанный орденами и медалями...

— Слово имеет Геннадий Петрович Крупнов, — объявил председатель собрания.

С Геннадием Петровичем мы встретились вскоре после того торжественного собрания у него дома. Сейчас он работает инженером-технологом одного из предприятий нашего города, и, встретив его на улице, никогда не подумаешь, что этот человек прошел всю войну. И, как заметил однажды Юрий, воинские награды даже немного старят его.

Когда началась война, Геннадию Крупнову было 14 лет. Он жил в Кашире. Когда она стала прифронтовым городом, мальчик ушел из дома и добровольцем вступил в ряды кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова. С того момента и до окончания вяземского рейда он был рядовым эскадрона разведки 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерала В. К. Баранова.

Прошел вместе с ней по дорогам Украины, Румынии, Венгрии. Среди его наград ордена Красной Звезды, Славы третьей степени, медаль «За отвагу» и многие другие. Но о вяземском рейде Геннадий Петрович вспоминает по-особому — это было его самое трудное испытание на прочность за все годы войны:

— К Варшавке мы подходили ночью, лесом, по глубокому снегу. Коридор через шоссе нам подготовила какая-то стрелковая дивизия. На флангах прорыва шел огневой бой, но фашисты через заслоны стреляли вдоль шоссе, устроив нам огненную завесу.

К рассвету верховые соединения прорвались через дорогу. Как потом оказалось, весь обоз нашей дивизии остался за шоссе: утром фашисты отсекли его танковыми ударами и авиацией.

Днем наш эскадрон, шедший впереди колонны, с боем взял какую-то деревеньку. В бою погибло несколько наших бойцов. Помню помощника командира взвода Махмудова, с которым был хорошо знаком. Когда в спешенном строю он поднял своих солдат в атаку, фашистская пуля попала ему в живот, пробив звездочку офицерского поясного ремня... К вечеру он умер на руках своих товарищей.

Сразу же в этой деревне был организован госпиталь, так как после прорыва в дивизии оказалось много раненых. Уже потом, на марше, мы узнали, что фашисты окружили деревню и выбили оттуда наше охранение. Чтосталось с ранеными, так и не пришлось узнать...

К Вязьме шли быстрым маршем, уничтожая мелкие гарнизоны врага. Местное население встречало нас с радостью. Люди говорили, что уже потеряли надежду увидеть своих. Расспрашивали о Москве, плакали от радости, узнав, что фашисты взять ее так и не смогли, что под Москвой они потерпели поражение.

Очень плохо было с продовольствием. Транспортные самолеты, которые прорывались к нам, иногда по ошибке сбрасывали груз в расположении врага. А выручало нас местное население, которое делилось своими запасами, спрятанными от фашистов в погребах и лесных землянках.

Плохо было и с боеприпасами. Очень часто приходилось воевать оружием врага, к которому легче было достать эти боеприпасы. Большую помощь нам оказывали местные ребятишки в возрасте 14—15 лет, которые приходили к нам, обвешанные немецкими винтовками и автоматами. Отлично знавшие свои родные места, эти ребята ходили в разведку. Иногда они приходили к нам с лошадьми и просили зачислить их в кавалерийские эскадроны...

Лошади, как и бойцы, были в рейде на голодном пайке: в пищу им шел гнилой картофель, солома с деревенских крыш. И все-таки основную массу конского состава мы сохранили до последних дней рейда...

Под Вязьмой мы соединились с партизанскими отрядами Смоленщины... Особенно памятен мне отряд «Дедушка», вместе с которым наша дивизия вела кровопролитные бои за Дорогобуж».

Сегодня я с полным правом могу сказать, что рассказы Г. П. Крупнова подготовили и подтолкнули нас к проведению похода по следам вяземского рейда.

В автобусной экспедиции 1978 года два дня мы простояли лагерем на Угре, близ «Побитого дуба», и один из них посвятили глубокой разведке за реку, в деревеньку Селибка, где записали воспоминания Рученкова Петра Спиридоновича, инвалида войны, кавалера многих орденов и медалей. П. С. Рученков начал войну в родных местах, поэтому его рассказ имеет прямое отношение к событиям вяземского рейда:

«С местными партизанами меня свел, еле тогда уговорил его, Казаков Владимир Лаврентьевич. Я был зачислен в отряд «Смерть фашизму» майора Жабо, и дрались мы бок о бок с кавалеристами и десантниками. 1 апреля 1942 года вместе брали поселок Угра, где оборонялся сильный немецкий гарнизон.

Нашей ротой командовал лейтенант Суворов. Бойцы очень любили его за бесстрашие и отвагу...»

Любопытно, что о лейтенанте Суворове упоминает в своей книге «Угранный набат» писатель Я. И. Макаренко:

«...Готовясь к атаке на станцию Угра, В. В. Жабо выделил две группы. Кроме того, было решено пойти на хитрость: заранее заслать в поселок группу партизан, чтобы они, как только начнется штурм, подняли панику в тылу противника.

Жабо долго решал, какое подразделение назначить для засылки в поселок. Его выбор пал на группу лейтенанта Суворова, хорошо зарекомендовавшую себя в боях: на нее он возлагал большую надежду...

Вскоре поселок оказался в руках партизан, десантников и кавалеристов».

(Макаренко Я. И. «Угранный набат», Московский рабочий, 1980 с. 108—110.)

Рученков П. С. продолжает:

«В деревне Волочек под Дорогобужем нас прижали к земле фашистские пулеметы, головы не поднять. Много атак сорвалось. Наши соседи справа и слева уже вперед ушли, а мы все стоим на месте.

И тут поднялся Суворов: «За мной, ребята! Коммунисты, вперед!» — и повел роту на фашистские позиции. Мы их и смяли.

Погиб Суворов в самом начале атаки. Когда хорошили его, плакали даже пожилые солдаты...»

Летом 1985 года, когда эта книга готовилась к изданию, нам стало известно, что Петр Спиридонович, видимо, запамятовал и невольно ввел нас в заблуждение. Лейтенант Суворов не погиб в том бою. Об этом рас-

сказала А. Г. Ананьева — бывший секретарь Знаменского райкома комсомола Смоленской области, действовавшего в тылу врага.

За тот бой лейтенант Виталий Васильевич Суворов был награжден орденом Красной Звезды. В конце мая 1942 года по приказу командования он с боями прорвался через кольцо врага и вывел свою роту на Большую землю.

Лейтенант получил десятидневный отпуск и побывал у себя дома, встретился с матерью Натальей Евсеевной. Потом снова вернулся в свою часть и сражался с фашистами. Погиб он 9 сентября 1943 года и похоронен в деревне Клемятино Ярцевского района Смоленской области.

22 марта 1944 года его мать — Наталья Евсеевна Суворова получила письмо от Председателя Президиума Верховного Совета СССР. М. И. Калинин писал: «Уважаемая Наталья Евсеевна!.. Ваш сын капитан Суворов Виталий Васильевич в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых. За совершенные Вашим сыном подвиги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками он награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Орден и орденская книжка передаются Вам для хранения, как память о сыне, подвиг которого не забудется нашим народом».

Но вернемся к рассказу П. С. Рученкова.

«После выхода из окружения меня зачислили бойцом в дивизию генерала Бородкина. Всю войну прошел, а бои в родных местах, под Вязьмой, никогда не забуду. Помнится, вместе с беловцами брали мы деревню Бабенки. Ранило меня там в поясницу. Из боя вынес красноармеец. Все кричал еще:

— Держись, пацан! Молоко на губах не обсохло, а в партизаны подался! Терпи теперь! Выпороть бы тебя, да кровь за Родину пролил, герой!..

Не могу забыть я того солдата. Жаль только, фамилии его тогда не спросил, но хорошо запомнил его рубоватый голос, крепкие руки и жесткие карманы шиели, набитые патронами...»

Как-то мы с Виктором Нестеровым встретились в Москве с бывшим начальником штаба вяземской группировки советских войск Вашуриным Петром Семеновичем.

чем, ныне он генерал-лейтенант запаса. Этую встречу на организовал Т. М. Горб, личный знакомый генерала.

Беседа происходила на квартире П. С. Ващурина. Он заранее подготовил интересующий нас материал, развесил карты того времени с нанесенными на них направлениями ударов наших войск, маршрутами движения отдельных соединений. Мы записали воспоминания о том периоде:

«Обстановка под Вязьмой к весне 1942 года требовала объединения кадровых частей и соединений, а также разрозненных партизанских отрядов под едином командование, что и предусматривал специальный приказ от 25 мая 1942 года, согласно которому была создана Особая группа войск генерала Белова, в которую входили 1-й гвардейский кавалерийский корпус, 329-я стрелковая дивизия, части которой прорвались нам из окруженной группировки 33-й армии, 4-й воздушно-десантный корпус и все партизанские соединения этого района».

Следует указать, что до этого многие партизанские руководители предпочитали самостоятельное решение боевых задач. Как правило, их отряды тяготели к своим родным поселкам и деревням. Однако в условиях, когда противник превосходящими силами со всех сторон теснил группу и пытался расчленить ее, самодельность была недопустима. Кроме того, гитлеровцы усиленно охотились за нашими штабами, засыпая нам шпионов, предателей.

Мы вынуждены были установить жесткий порядок. Деревня или поселок, где располагался штаб, оцеплялись дозорами. Для входа в расположение паролям устанавливался коридор, известный только посвященным. Пароль и коридор менялись каждые два часа. Приказы и распоряжения по частям передавались в основном устно: гитлеровское командование уже знал мой почерк, поэтому врагу нельзя было давать лишние козыри.

«Однажды гитлеровцы послали на наш штаб до рты переодетых предателей, но парашютисты 8-й воздушно-десантной бригады вовремя распознали и уничтожили эту группу.

Кавалерийские дивизии выполняли в рейде функции наиболее мобильных соединений. Так, в середине февраля 1942 года части 1-й гвардейской кавдивизии разорвали кольцо окружения, в которое попала 8-я воздушн

десантная бригада близ деревень Семлево и Дяглево, а в конце марта сводный отряд под командованием полковника М. Н. Завадовского сделал бросок навстречу окруженным частям 33-й армии генерала М. Г. Ефремова, которые прорывались к нам с востока, из-за Угры...»

Здесь хочется привести документ, иллюстрирующий период ударов группы Белова навстречу окруженным дивизиям 33-й армии.

В январе 1981 года в адрес группы «Память» пришло письмо из Коломны, от Ермолаевой Серафимы Ивановны, которая уже много лет ищет следы своего брата, Шарапова Владимира Ивановича, 1923 года рождения, рядового 259-го лыжного полка, который пропал без вести под Вязьмой. Последнее письмо от него получила семья летом 1942 года из деревни Желанья.

Эта деревня стоит на Угре, как раз в полосе броска группы Завадовского навстречу частям 33-й армии, о котором говорил генерал П. С. Вахурин.

Вот полный текст письма Шарапова В. И.:

«Дорогая мама! Я тяжело ранен. У меня раздроблена коленка. Немцы нас закрыли в сарай и хотели расстрелять, но налетела наша конница и нас спасла. Если успеют вывезти, напишу тогда. Я нахожусь в д. Желанья Смоленской области. Посылаю письмо с одним товарищем, конником. Прощайте. Целую. Ваш сын Владимир. Март 1942 года».

И сейчас трудно без волнения читать это письмо девятнадцатилетнего парня из далекого 1942 года.

Сегодня в деревне Желанья, что на правом берегу Угры, близ большака Всходы — Знаменка, обелиск над братской могилой. На нем нет фамилий, как нет их на большинстве памятников смоленской глубинки. Но зато здесь всегда живые цветы: дань памяти воинам, погибшим здесь в сурровом 1942 году...

В начале зимы 1942 года под Вязьмой была проведена крупнейшая за всю войну воздушно-десантная операция Красной Армии — в тыл врага было выброшено выше 10 тысяч советских парашютистов, которые стали составной частью группировки вяземского рейда.

Одним из первых отрядов «крылатой пехоты» под Вязьмой были подразделения 2-го батальона 8-й бригады 4-го воздушно-десантного корпуса.

Вспоминает ветеран, бывший командир отдельной азведроты этого батальона, Николаев Иван Васильевич, 1910 года рождения, ныне житель города Ступина:

«Нас выбрасывали ночью 24 января 1942 года. За бортом был сильный мороз, у земли — метель. Как потом оказалось, выброска производилась в 10—15 километрах от заданного района: молодые и неопытные летчики сбились с курса, чemu способствовали еще и метеорологические условия. Из-за сильного ветра группу разбросало на большом пространстве. В эту же ночь, подавая сигналы фонариком, мне удалось соединиться со старшиной Колесниковым и сержантом Чирковым.

Утром прежде всего отправились искать лыжи, которые были выброшены с воздушного корабля раньше нас. Без лыж трудно было рассчитывать на успех нашей работы в тылу врага.

Связка лыж валялась на поле, рядом с дорогой. Едва мы приблизились к ней, как на дороге показался обоз гитлеровцев. Мы успели встать на лыжи и отойти в лес, прихватив с собой небольшую лыжную связку. В этот же день близ какой-то деревеньки перехватил упряжку: немецкий казначай в сопровождении двух охранников вез деньги в поселок Семлево, где, как мы узнали, находился гарнизон. Фашистов быстро ликвидировали, возницей на повозке был наш военнопленный из окружёнцев. Он рассказал, что утром недалеко отсюда был бой с парашютистами. К вечеру мы, уже вчера вером, соединились с основной группой десанта.

На следующее утро в пешем бою по глубокому снегу отбили у немцев поляну, где накануне основная группа вела бой с белофиннами. Там валялось множество лыж...

В глухих заснеженных лесах, где базировались и куда совершали свои удары советские воины, лыжи были единственным средством передвижения. И если пожалуй, санные упряжки, которые были «скорогодней» немецких телег».

Любопытно в этой связи отметить, что и ветераны и местные жители, вспоминая о зимних боях, единодушно утверждают, что не припомнят случаев, когда немцы пользовались санями, розвальнями и т. п. — этимним полезным транспортом. У них все было на колесах.

И. В. Николаев продолжает свой рассказ:

«Где-то в феврале моей группе поручили выйти на разведку в деревню Дяглево. Вечером скрытно пошли к ней из леса. Видим, у крайней избы топчеч на морозе часовой, по виду русский. «Эй, Иван, — кричим, — поди-ка сюда!» А он в ответ с украинским

центом: «Сейчас, обождите чуток...» Пустил ракету, а по нас очередью из автомата. Мы не ответили. Зачем, думаем, беспокоить деревню на ночь глядя...

Ночью растянулись цепью и по сигналу ракеты с криками «Ура!» ворвались в деревню... Бой был недолгим. Уцелевшие гитлеровцы отступили к Семлеву.

Тогда в Дяглeve захватили большой обоз с продовольствием, боеприпасами и горючим. Что смогли унести с собой — погрузили на лыжи и в лес, остальное подорвали и зажгли. Прихватили «языка»...»

За эту операцию И. В. Николаев был награжден орденом Красной Звезды.

Кроме чисто боевых задач, передовому отряду десантников было также поручено выявлять и мобилизовывать в смоленских деревнях бывших окружденцев. Не все они после прихода фашистов сразу включились в партизанскую борьбу с врагом: некоторые отсиживались по хатам под видом деревенских мужиков.

Партизанская война в тылу врага, характер которой носили операции вяземского рейда, имела свои отличительные особенности: отсутствие долговременных баз, широкое использование трофейного оружия, быстро меняющаяся тактическая обстановка по периметру занимаемого района.

Продолжаем запись рассказа Николаева:

«...Большие потери мы понесли на Угре в мае 1942 года. В те дни еще держался разлив, и моей группе поручили произвести разведку левого берега где-то оконечь поселка Уgra, где должен был переправиться весь корпус. Противника там не оказалось, и мы начали переправу на подручных средствах: самодельных плотах, просто вплавь, зажав под мышкой бревно для траховки.

Неожиданно в небе появились фашистские самолеты. Чувствуя свою безопасность, они один за другим, как в учениях, заходили для атаки, обстреливали нас из улеметов и сбрасывали бомбы. Река буквально кипела взрывов. Очень многих товарищей мы недосчитались а левом берегу...»

Сегодня при въезде в поселок Уgra со стороны Вязьмы у развилки дорог возвышается десятиметровая стела с чеканным изображением купола парашюта, стальные стропы от которого ниспадают к другому постаменту — треугольной призме из нержавеющей стали.

На стеле крупные блестящие буквы: «Десантникам

4-го ВДК от благодарных угранцев». А на одной из плит призмы: «В январе — июне 1942 г. десантники 8, 9, 214-й бригад 4-го ВДК героически сражались с фашистскими захватчиками на угрянской земле».

В смоленской деревеньке Селибке мы записали еще два очень, с нашей точки зрения, интересных рассказа местных жителей.

Вспоминает Денисова Степанида Матвеевна:

«Зимой 1942 года в округе только я говорил: «Армия Белова пришла!» Но в нашей деревне беловцы стояли недолго. В моем доме жили 15 человек. Командиром был такой высокий мужчина, немного хрома. В сарае, за домом, стояла их радиостанция, которую охраняли три человека. Плохо у них было с едой. Тогда я, отдала беловцам корову. Расписку за нее мне дал офицер по фамилии Харитонов. По этой расписке после войны я получила хорошую корову.

Когда беловцы уходили, в деревне остались трое раненых, все кадровые военные. Двое совсем плохими были, а третий разговаривал: все просил горячей воды — у него было ранение в живот. Звали его Коля. Говорил, что у него двое детей... Плакал, вспоминал мать

Все трое умерли, и мы похоронили их на деревенском кладбище. А ведь такие молоденькие были...

Каждый год, 9 Мая, ходим на их могилки, поминаем наших солдатиков. Ведь матери небось по ним где-то тоже плачут в этот день, детей вспоминают. И знают, что они, родименькие, сложили свои головы здесь, в нашей Селибке. За Родину, за всех нас. Мы так и говорим промеж себя, старух: беловцы здесь лежат, защитники наши.

После беловцев в деревню пришел карательный отряд, стали поджигать дома. Один подлец, который поджигал мой дом, даже похвастался, картавый дьявол: «Я уже много ваших хазов сжег, отходи, матка...»

Чтобы местные не тушили пожары, в некоторых домах оставляли взрывчатку, а вокруг разбрасывали племетные ленты, чтобы в огне они взрывались и стреляли.

За войну наша деревня много раз переходила из рук в руки. Когда отступали немцы, они выгоняли местных на улицу и взрывали наши землянки. А приходили беловцы или парашютисты — помогали строить новые землянки, пайком своим делились, детишкам последнюю корку хлеба отдавали...

После того как фашисты сожгли деревню, здесь больше были их патрули, которые охотились за десантниками-парашютистами...»

Приведу несколько строк из книги И. И. Лисова «Десантники» (Воениздат, 1968).

«Ведя оборонительные бои, части 4-го воздушно-десантного корпуса и партизаны, оставив небольшие за-слоны и группы прикрытия на удерживаемых рубежах, в ночь на 25 мая начали отходить в направлении Селиб-ки, где намечалась переправа через реку Угру.

Угра в это время представляла довольно серьезную преграду: она достигала 100—120 м ширины, имела сильное течение и болотистый западный берег.

В течение дня части корпуса готовились к форсированию реки с помощью подручных средств на участке устье реки Гордота — Пищево...

Под непрерывным воздействием авиации противника, неся большие потери, части корпуса после форсирования сосредоточились в лесу южнее реки Гордота...»

Степанида Матвеевна продолжает:

«Тогда здесь, неподалеку от деревни, в лесу, один наш солдат отстреливался от группы фашистов. После этого боя немцы пришли в деревню: у их офицера одна рука была обмотана окровавленной тряпкой. Все были очень злые. Из старых досок сделали двое носилок, на-верное, для своих же раненых или убитых. Потом ушли обратно, к реке.

Геройски погиб тот солдат. Его могила у нас в Селибке самое святое место...»

Рассказ С. М. Денисовой дополняет ее ровесница, Чулкова Полина Спиридоновна:

«В начале лета 1942 года у брода через Угру мы с подружками встретили раненого красноармейца. У него была рана в правой ноге, выше колена, и он не мог идти. Назвался Алексеем, из Калининской области. Не помню сейчас, что было у него на петлицах, но не рядовой: на пояссе висела кобура с пистолетом. Просил быстрее связать его с нашими войсками или партизанами. Первым вопросом его было: «Где беловцы, десантники?»

Мы помогли ему подняться. Вышли на мелколесье, уже виднелась деревня. Вдруг сзади от Угры услышали выстрелы, крики по-немецки. Очевидно, шел карательный отряд фашистов.

Солдата мы подхватили на руки, но он оттолкнул

нас: «Скорее в лес! Все равно не успеем! Бегите, а то и вам крышка!» Издали, из ельника, мы слышали сквозь трескотню автоматов одиночные выстрелы. Потом мы снова вернулись на эту поляну.

...Он лежал недалеко от тропинки, весь в крови. Карманы галифе и гимнастерки были вывернуты: очевидно, фашисты искали документы. Там мы его и похоронили...»

Полина Спиридоновна проводила нас с Виктором к этой могиле. Бросилось в глаза, что прямая тропинка от деревни к броду на Угре в этом месте делает крутой зигзаг, хотя прямой путь через лес короче в несколько раз. Видно, эту старую, еще довоенную тропу удлинила сама память, глубокое уважение и преклонение перед подвигом безвестного героя из Калининской области.

Могила ухожена, на ней живые цветы. Лежат конфеты, посыпано пшено...

Таковы некоторые наиболее яркие эпизоды из той информации, которую пришлось нам записать от ветеранов Вяземского рейда и местных жителей смоленской глубинки. Наши транспортные возможности, да и время не позволили тогда проникнуть в другие районы Смоленщины, где, несомненно, воспоминания еще более свежи. И, наверное, такая глубинка — настоящий кладезь незамутненной памяти современников, яркая страница нашей героической истории.

В мае, когда просохли дороги, гитлеровцы пошли в решающее наступление на наши рейдирующие войска. Танки, мотопехота, авиация были брошены против нескольких тысяч голодных, оборванных бойцов, имеющих при себе практически только стрелковое оружие.

По рассказам ветеранов, враг вместе со смертоносным металлом бросал на их головы листовки, призывающие сдаваться в плен. Даже обессиленный советский солдат был страшен врагу.

Организованный отход группы рейда начался из района юго-восточнее Дорогобужа, в обход Ельни, через леса и болота к Варшавскому шоссе.

Мы записали воспоминания ветеранов, непосредственных участников вяземского рейда.

Г. П. Крупнов:

«Мы двигались большой колонной, в центре которой был обоз с ранеными. Шли день и ночь по старым лежневкам, очевидно, построенным еще до войны. Когда налетала авиация, все бросались в лес. Лошади и повозки не могли свернуть с дороги, чтобы не увязнуть в трясине, поэтому оказывались самыми беззащитными на маршруте. С проклятиями мы стреляли по самолетам из винтовок, автоматов и пистолетов. Даже ночью немцы бросали на парашютах осветительные фонари и бомбили нас...»

В деревнях, которые мы проходили, местное население с детьми присоединялось к колонне. Шли мы тихо, злые и усталые. Нередко проходили мимо деревень, занятых мелкими фашистскими гарнизонами, даже иногда видели друг друга. Они тоже молча пропускали нас.

Помнится, в одной такой деревне с чердака раздалась по колонне пулеметная очередь: у кого-то из фашистов не выдержали нервы. Расправа была короткой. Ни один гад не ушел... У фашистов в таких случаях мы вывертывали все карманы в поисках корки хлеба или сигарет...»

П. С. Вашурин:

«Противник авиаразведкой был осведомлен о маршруте нашего движения, поэтому, видимо, готовился дать нам на шоссе решающий бой. Прорыв через дорогу мы наметили в полосе около десяти километров по фронту. На карте в этом месте к шоссе подступал сплошной лес с заболоченными перелесками.

При подходе частей группы к шоссе немцы произвели мощный артналет. В возникшей суматохе штаб группы раздвоился на лесной дороге. Генерал П. А. Белов с частью штаба ушел влево, в сторону села Шуи, а моя группа отклонилась западнее. Ночью мы слышали бой, после чего отошли еще дальше на запад и переходили Варшавское шоссе уже за Десной...»

Г. П. Крупнов:

«После глухого, заболоченного леса, по которому мы подходили к шоссе, стали попадаться небольшие сухие опушки. На одной из них на фашистской мине подо-

рвался политрук эскадрона разведки нашей дивизии, старший лейтенант Олейников.

Непосредственно перед шоссе лес был повален широкой полосой: немцы уже ожидали нас.

Перед прорывом поступила команда: расседлать и бросить коней. Мы рвали, резали бритвами кавалерийские седла, чтобы они не достались врагу... До слез было жалко расставаться с лошадьми. Мы отгоняли их в глубь леса, но они ржали как-то жалобно и возвращались к своим хозяевам. Многие бойцы все же прорвались через шоссе на конях...

С первой попытки дорогу перешли немногие. Фашисты открыли сильный огонь вдоль по шоссе и по лесу, где мы изготовились к броску. Пришлось отступить в глубь леса. И уже новый приказ: «Просачиваться через шоссе мелкими группами».

А немцы не жалели снарядов. И опять, как в январе, пришлось прорываться через этот огненный коридор — Варшавское шоссе. Проскочить нам удалось только с третьей попытки, когда уже рассветало. И, как и прошлый раз, за спиной вновь слышали шум танковых моторов...

Прорыв шел несколько ночей. Днем фашистская авиация усиленно бомбила лес, и по шоссе носились танки, а ночью все повторялось: советские войска упорно пробивались через дорогу на юг, к своим».

Вспоминает гвардии полковник запаса Нефедкин Федор Никитич, ныне секретарь совета ветеранов 1-го гвардейского кавалерийского корпуса:

«По приказу генерала Белова первым эшелоном должна была прорываться через шоссе наша дивизия: впереди 1, 3, 5-й кавполки, штаб и замыкающим 6-й кавполк.

Не дойдя до шоссе 100—150 м, передовые части попали под ураганный артиллерийский и минометный обстрел. Противник был по площадям леса, насыщенного войсками. От каждого взрыва гибло много наших бойцов. Одиночки и группы конногвардейцев, прорвавшихся к шоссе, попадали под губительный пулеметный огонь из-за дороги, где фашисты, видимо, заранее подготовили огневые точки.

Прорыв застопорился, началось перемешивание частей в лесу. В этот критический момент наш полк, стоявший в арьергарде, вдруг получает приказ Белова:

«Вперед!» Увлекая за собой остальных, в первых рядах прорвались через лесной завал командир полка, подполковник Аркадий Васильевич Князев, комиссар П. Т. Кутузов, начальник штаба В. И. Демин, помощник начальника штаба Шония и другие офицеры.

На шоссе каждый метр пространства был исчерчен разноцветными огневыми трассами пулеметных очередей. Где ползком, где рывком очертя голову мы, кидаясь из стороны в сторону, проскочили черную полосу асфальта...

Трудно найти нужные слова, чтобы передать то состояние, в котором находится человек, охваченный только одним порывом: вперед, к спасению! О смерти думать некогда: она вокруг. Ничком падают убитые товарищи, истошно кричат раненые, сознавая свою обреченность...

Через шоссе прорвалось около 40 человек. Остальные были отброшены огнем врага назад, в лес. Ситуация складывалась критическая, так как командование полка оторвалось от основной группы, и там могла начаться паника. Командир полка приказал группе офицеров, среди которых находился и я, вернуться за шоссе и поднять людей в атаку.

И вновь под градом пуль, неся потери, мы пересекли шоссе и, врезавшись в гущу залегших под огнем врага наших гвардейцев, отдали им приказ-призыв, который звучал приблизительно так: «Гвардейцы! Отступать некуда! Спасение только по ту сторону шоссе! Там командир полка, он ждет вас! Мы вернулись от него. Вперед, за нами!!!»

Всей лавиной гвардейцы рванулись вперед, за ними — остальные части дивизии. Это шла уже такая сила, которую ничто не могло остановить: крики «Ура!», огонь, вопли раненых — все это, очевидно, ошеломило немцев. Один за другим умолкали их пулеметы в полосе нашего прорыва.

Еще затемно основная часть дивизии все же прорвалаась за шоссе и, уничтожив пулеметные гнезда и минометные батареи в полосе прорыва на глубину около 1,5 километра, сосредоточилась в лесу, заняв круговую оборону.

Пока наша группа офицеров возвращалась назад, к своим подразделениям, был убит командир полка, подполковник Князев. Ему, любимцу всего полка и известному всей дивизии за свою отчаянную бесстрашность,

так и не привелось увидеть рванувшиеся ему навстречу части...

С рассветом мы попытались найти в лесу тело команда, но немцы уже заняли всю площадь нашего прорыва. В двух попытках потеряли пять человек убитыми и от дальнейших поисков отказались.

Утром немцы стали приходить в себя, поэтому и нам было необходимо собрать всех людей, наладить управление смешавшейся группой войск.

Появились немецкие самолеты, которые рыскали над лесами, пытаясь обнаружить прорвавшиеся части: бомбили квадраты, где обнаруживали какое-либо движение...

В нашей группе из командиров были начальник политотдела дивизии полковник Марченко, тяжело раненный комиссар полка Кутузов, начальник штаба Демин, помощник начальника штаба 3-го кавполка Икрянников и др.

Из этих людей организовали новое управление группой, назначили командиров эскадронов, взводов и т. д. По ночам зигзагами стали пробиваться к линии фронта, которая проходила где-то под Кировом.

Люди теряли силы. Патроны и гранаты были на вес золота, ведь предстоял еще один, на этот раз последний, прорыв.

Полное отсутствие продовольствия усугубляло наше положение. Единственное, с чем нам повезло: в угаре прорыва через шоссе за лавиной штурмующих в пешем строю рванулись и наши коноводы, которым удалось, несмотря на приказ, провести через дорогу около 200 лошадей. Как же мы потом благодарили этих ребят!

Сырая конина более двух недель после прорыва через Варшавку была нашим единственным блюдом. На мясо шли в первую очередь раненые и беспокойные лошади, ржание которых могло привлечь к нам внимание немецких гарнизонов, а их-то мы старались обходить без боя. Также не было возможности разжигать костры: день и ночь над лесами кружили немецкие самолеты...»

Заключительные бои группы вяземского рейда явились логическим продолжением героических подвигов на Варшавском шоссе: чем ближе была линия фронта, тем ожесточенее становился враг, но тем более росло и ожесточение наступающих. Под Кировом последним отчаянным броском, последними гранатами, очередями и

выстрелами были сметены огневые точки врага. Впереди в сотнях метров была Большая земля...

И когда уже была забыта осторожность и обессиленные, но окрыленные надеждой бойцы бросились на встречу своим, вновь загрохотала земля... Вся полоса вдоль линии фронта представляла собой сплошное минное поле — последняя роковая преграда выходившим войскам. Многие остались на этих полях навсегда...

За героизм и мужество, проявленные в боях прорыва, сотни бойцов и командиров были награждены орденами и медалями. Среди них орденами Красного Знамени — наши рассказчики И. В. Николаев и Ф. Н. Нефедкин.

В январе 1981 года в адрес группы «Память» пришло письмо от жительницы Москвы, Беликовой Анны Павловны, разыскивающей место гибели своей сестры. Адрес нашей группы дал ей председатель совета ветеранов 4-го ВДК, наш старый знакомый, Горемыкин Вениамин Яковлевич. Вот строки из этого письма:

«...В 1941—1942 годах в Знаменском районе Смоленской области, в партизанском соединении майора Жабо, в селе Полнышеве, в госпитале работала моя сестра Беликова Марина Павловна. Она ушла на фронт добровольно, с ополченческой дивизией Щербаковского района города Москвы 7 июля 1941 года. В боях под Вязьмой была ранена и в дальнейшем воевала в партизанском отряде «Смерть фашизму!» в разведке и потом в госпитале, которым руководил врач 4-го воздушно-десантного корпуса Шеклаков Н. Д.

При выходе из рейда частей 4-го ВДК в июне 1942 года сестра погибла. В архивных документах комиссара партизанского отряда Л. Ф. Муханова есть такая запись: «...медсестра Беликова М. П. погибла в районе города Киров. Она сопровождала раненого подполковника Прокопца...»

В заключение Беликова просила нас узнать у ветеранов тех боев: не вспомнит ли кто медсестру Марину, хотя бы приблизительное место её гибели?

К сожалению, нам ничего не удалось узнать, хотя Ф. Н. Нефедкин опросил многих из тех, кому тогда удалось прорваться. Никто не помнил и подполковника Прокопца, который мог остаться в живых.

О своей неудаче мы сообщили А. П. Беликовой в октябре 1981 года, а спустя четыре года случайно узнали,

что Анна Павловна все-таки разыскала очевидцев гибели ее сестры и место ее захоронения. Помогла ей в этом бывшая партизанка, комсомольский вожак Е. Г. Ананьева.

Этот случай подтверждает, что даже сегодня, когда уже минуло сорок лет после окончания Великой Отечественной войны, возможен успешный поиск ее героев, павших в боях за Родину.

Наша группа «Память» приняла решение провести разведывательную экспедицию на тот участок Варшавского шоссе, где был прорыв из рейда советской группировки. Определили конкретно цель похода: подыскать подходящее место для установления памятника в честь героев прорыва. Своей мыслью поделились с советом ветеранов, который одобрил эту идею и обещал любую зависящую от него помочь.

Таким образом, учитывая неувязки и промахи с нашим первым памятником, на этот раз подготовка началась задолго и на официальном уровне.

Первым нашим шагом был визит к П. С. Вашурину, о котором я уже упоминал. Мы списались с ним заранее, поставили свои вопросы. При встрече генерал на военной карте указал маршруты прорыва через шоссе этих эшелонов группы и указал место, где памятник наиболее отвечал бы географической конкретности района прорыва.

Генерал сделал нам выкопировку из военной карты, где рядом с направлениями ударов частей рейда поставил крестик на том месте, где желательнее всего поставить памятник. Крестик располагался рядом с деревней Воротынцево.

Таким образом, в наших руках уже был официальный документ — исторически объективное заключение. Кроме того, мы попросили составить текст заглавной плиты памятника. Петр Семенович обещал это сделать.

Сразу после встречи с Вашуриным П. С. мы с Виктором Нестеровым собрали группу и наметили детальный график экспедиции. Тогда по Варшавке мы еще не проезжали далее Спас-Деменска. На этот раз маршрут шел дальше. Интересующий нас участок шоссе согласно карте П. С. Вашурина находился между 330 и 340 километрами, несколько западнее села Шуй.

В нашей экспедиции поиск материальных следов про-

рыва не являлся определяющей задачей. Уже на месте, со слов местного населения, узнали, что леса, сегодня прилегающие к шоссе, выросли в последние десятилетия на болотах, образовавшихся на местах прежних, сведенных немцами перед прорывом наших войск.

Разведка, проведенная нами в районе бывшей деревни Воротынцево, что справа от шоссе, на его 335-м километре, обнаружила в лесных зарослях множество конских костей, несколько разряженных снарядов, железные ободы тележных колес, два винтовочных ствала и т. п.

Рассказывает Гращенко Пелагея Петровна, коренная жительница деревни Зайцовка:

«С зимы 1942 года в наших лесах действовал партизанский отряд, который подрывал на шоссе немецкие танки, жег военные склады в Шухах, охотился за немецкими офицерами. Командиром отряда был наш офицер по фамилии Шванденок. Немцы засыпали в отряд предателей, устраивали облавы, но очень долго не могли схватить его. Погиб он все же от рук продавшихся немцам деревенских полицаев...»

Мы спросили Гращенко П. П. о беловцах, знает ли она что-нибудь о них?

«Беловцы прорывались у хутора Покровское. Немцы подожгли там два дома, и зарево стояло на всю окружу. Бой шел всю ночь. В Мятловском лесу (к северо-западу от д. Зайцовка. — К. Г.) на земле все веточки были истертые и перемолоты добела — столько народу прошло к шоссе...

Много их полегло у Покровского. Потом немцы не разрешали местным подходить к убитым. Хоронили их наши военнопленные в братской могиле. А где, никто не знает...

Здесь у нас никаких памятников нет. Даже обидно! Порой слушаешь радио: там памятник поставили, там Вечный огонь зажгли, а тут что творилось, вспомнить страшно, когда прорыв-то шел. Вот молодежи рассказываешь, а не верят: говорят, мол, под Москвой и Сталинградом — это были битвы, а здесь, может, что и было, но кто об этом вспомнит? Только мы, старожилы. Да разве нас слушают?..»

Не все местные ребята знают, что именно под Смоленском был сорван пресловутый блицкриг, когда два месяца враг протоптался возле этого города. Что в боях под Ельней родилась советская гвардия. Что осенью

1943 года в результате проведения смоленской операции далеко на запад были отброшены основные силы фашистской группировки «Центр». Все эти сражения на Московском направлении вписаны в историю кровью и слезами народа.

Трудно словами передать нашу радость, когда в канун празднования 40-летия Победы мы узнали, что Указом Президиума Верховного Совета СССР городу Смоленску было присвоено почетное звание «Город-герой». Но это было уже в 1985 году, а тогда, в 1978-м, мы, только вернувшись из похода, приняли решение установить свой памятный мемориальный знак на месте прорыва советских частей из вяземского ряда.

Предварительный разговор с секретарем Ступинского ГК ВЛКСМ М. М. Филипповым был подготовкой к расширенному заседанию секретарей заводских комитетов комсомола ряда ведущих предприятий города.

Мы объяснили цель нашего прихода. Предложили конструктивное решение памятника на участке прорыва из ряда наших частей и соединений в 1942 году.

Разумеется, спорам не было конца: предлагались наиболее простые варианты решения технических проблем, ибо каждому предприятию предлагалось оформление определенной темы памятного знака. Но, учитывая наши предложения, секретарь ГК ВЛКСМ М. М. Филиппов конкретно распределил всю работу и назначил сроки исполнения.

Текст заглавной плиты был дан Вашуриным, что, по нашему мнению, явилось определяющим моментом, убедившим местные власти в необходимости и официальной значимости мероприятия ступинцев.

К назенненному времени туда прибыли представители города Рославля. Собралось также много народа из окрестных деревень. Митинг открыл представитель Рославльского военкомата майор Бахавчук, который поблагодарил ступинцев за благородную военно-патриотическую работу, за воспитание у молодежи чувства гордости подвигом советского народа в Великой Отечественной войне.

Участники митинга минутой молчания почтили память героев, в честь которых был установлен этот мемориальный знак.

Местные жители, пришедшие на открытие, несли букеты полевых цветов. Ни одна машина, проезжающая в это время по шоссе: груженые трайлеры, «Икарусы»,

частные машины с номерами разных областей — не проскакивала без остановки. Водители, пассажиры, собрав букетик цветов, подходили к памятнику, чтобы отдать свой долг памяти героев.

Памятник был установлен на возвышенном месте, хорошо обозреваемом с шоссе. На основании из нержавеющей стали, изображающем стрелу, направленную в сторону шоссе, лежит солдатская каска с красной звездой. Над ней — стела в виде преклоненного знамени с наконечником и литой бронзовой звездой в верхнем углу. На стеле большие бронзовые цифры «1942» и хромированная плита с надписью:

«Здесь 16—18 июня 1942 года после пятимесячных боев в районе Вязьмы, Всходов, Дорогобужа и Ельни прорывались, выходя к городу Киров, войска оперативной группы генерала П. А. Белова:

1-й гвардейский кавалерийский корпус в составе 1-й и 2-й кавалерийских дивизий;

329-я стрелковая дивизия с 250-м воздушно-десантным полком;

4-й воздушно-десантный корпус в составе 8, 9, 214-й воздушно-десантных бригад;

отдельные 23-я и 211-я воздушно-десантные бригады;

подразделения партизан.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОДВИГУ ГЕРОЕВ ПРОРЫВА».

А на небольшой пластинке внизу, слева:

«От комсомольцев и молодежи г. Ступина Московской области».

Через год, во время очередной экспедиции нашей группы по восточной Смоленщине, мы побывали в деревне Покровское. Едва группа появилась на хуторе, вокруг нас собралось много местных жителей всех возрастов. От них узнали, что от молодежи шефство над памятником возглавила работница совхоза «Крапивненский» комсомолка Семченкова Татьяна Владимировна, которая рассказала нам об установившейся в округе традиции возложения к памятнику цветов местными молодоженами.

Таня проводила нас к старейшей жительнице По-

кровского, Филипенко Прасковье Ивановне. Когда струшка узнала, что приехали ступинцы, на глазах у нее выступили слезы. Зайцев Юра сразу включил магнитофон:

«Мне уже за 80 перевалило. С тех пор, как погибли два моих сына в первые годы войны, живу одна. И единственная радость в жизни — памятник, который мы установили в прошлом году. Хожу к нему, как на могилу моих сынов...»

И, уже окончательно расплакавшись, продолжала:

«Посижу, поговорю с ними, поплачу... Машины мимо идут, сигналят, а то и остановятся: подойдут люди, постоят рядом молча, глядишь, и мне легче станет — разделили горе одинокой матери.

У нас в Покровском стояли какие-то рыжие немцы: рыжие все, как один. И очень злые были. После прорыва беловцев они устроили по лесам облаву. Многих пленных приводили к нам, в Покровское, где их допрашивали в комендатуре. Некоторых потом уводили за деревню. Выстрелы слышались уже издалека. Немцы скрывали от местных жителей места расстрелов военнопленных...»

Таково Варшавское шоссе, по которому в летопись народного подвига ушел суровый 1942-й, застывший сегодня Священной Памятью на мраморных, бронзовых и нержавеющих плитах величественных обелисков и скромных памятников.

Признаться, сейчас наша группа не чувствует себя гостью на этом легендарном шоссе: как могли, мы, ступинцы, отдали свой долг памяти и уважения его героическому прошлому.

В газетах Ступина и Каширы были опубликованы наши отчеты об экспедиции на 340 км Варшавки, а городским комитетом ВЛКСМ проводились встречи участников вяземского рейда с молодежью. Среди гостей на встречах присутствовали участники рейда, в том числе полковник запаса Горемыкин Вениамин Яковлевич — председатель совета ветеранов 4-го ВДК, Самойленко Анатолий Степанович — командир эскадрона 1-го гв. к. к., Николаев Иван Васильевич — командир разведроты 8-й бригады 4-го ВДК, Степанюк Д. И. — личный шофер командира 4-го ВДК генерала Казанкина Ф., Горб Терентий Моисеевич — почетный ветеран 1-го гв. к. к. и др.

А на собрании, организованном Ступинским

ГК ВЛКСМ, председатель совета ветеранов 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, генерал в отставке Михаил Иосифович Глинский вручил нам диплом Центрального штаба Всесоюзного похода молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа, отметив тем самым большую военно-патриотическую работу, которая проделала наша группа «Память».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Конечно, на той сравнительно небольшой «площади», что была выделена нашей группе «Память» в этой книге, невозможно рассказать со всеми подробностями о наших походах, регулярно проводимых начиная с 1971 года, представить все наши находки, передать содержание наших бесед с местными старожилами и ветеранами войны и наших отчетов о проделанной работе, с которыми мы выступали и перед комсомольским активом города, и перед ветеранами войны.

Я постарался более или менее подробно рассказать только о первых шагах нашей следопытской работы, о первых походах, которые, хотя бы потому, что были первыми, оставили в наших сердцах наиболее яркие и живые воспоминания.

Наши следопытские изыскания продолжаются. Мы совершенствуем свой опыт, отрабатываем более рациональные и эффективные методы поисковой работы, ищем новые темы для следопытского поиска.

В начале восьмидесятых годов мы посвятили свои походы боевому пути частей и соединений 43-й и 49-й армий, которые, действуя на левом фланге Западного фронта, принимали участие весной и летом 1942 года в боях по освобождению угрянской земли от гитлеровских захватчиков.

Еще во время первых походов мы многое узнали о боевых делах этих двух армий. Приняв решение посвятить им очередные походы, мы с осени начали изучать историческую и краеведческую литературу, военные мемуары полководцев Великой Отечественной войны, чтобы хотя бы в общих чертах иметь представление о том, что происходило в интересующем нас районе в то грозное время. Особенно тщательно мы изучали карты и схемы района Угры военного времени и современные,

по которым проложили маршрут предстоящего похода. Связались с различными организациями и людьми, которые могли нам оказать помощь в поисковой работе, подготовили необходимое снаряжение, запаслись фото- и кинопленкой.

И вот мы в пути. Стаемся в каждом селе, в каждой большой или маленькой деревушке познакомиться со всеми старожилами, записать их военные воспоминания, узнать у них адреса тех людей, кто мог бы дополнить их рассказ. Тщательно исследуем окрестности села или деревни, собираем реликвии военного времени, знакомимся с имеющимися памятниками и памятными знаками, фотографируем их, записываем историю их возникновения.

После возвращения из похода обрабатываем собранные материалы, пишем подробный отчет о проделанной работе, оформляем фотостенд, стаемся опубликовать краткий отчет о походе в местных газетах, что очень важно, ибо каждая такая публикация всегда вызывает ответный поток писем и от ветеранов войны, и от родственников советских воинов, погибших в этом районе.

И... поиск продолжается... Уже на новой основе.

Одновременно мы решаем вопрос, как, каким образом своими силами сможем увековечить память героев войны там, где она почему-либо еще никак не отмечена. В работу включается весь комсомольский актив города, и в результате создается еще один памятник или памятный знак, который мы торжественно устанавливаем в соответствующем памятном месте.

Во время походов каждый раз убеждались, что не мы одни проводим такую работу. Множество самодеятельных памятников встречалось нам на пути — от пионеров и школьников разных московских школ, от туристов Химок, Красногорска и Истры, от студентов Москвы, Смоленска, рабочих Калуги и т. д. и т. п.

Встречали, и не раз, следопытские группы, идущие, как мы говорили, «параллельным курсом». С одной такой группой из Кондровского педагогического училища Калужской области мы крепко подружились. Возглавляет эту группу преподаватель училища Александр Николаевич Краснов, замечательный педагог, неутомимый краевед. Наша группа побывала в Кондрово, мы познакомились с ребятами, осмотрели их интереснейший музей боевой славы. Кондровские следопыты разыскали уникальнейшие материалы о боевых делах 33-й армии.

и других частей и соединений Красной Армии, сражавшихся на угранской земле. Об их работе можно написать целую самостоятельную книгу, и я уверен, что такая книга будет написана самими кондровцами!

А мне хочется рассказать еще и о том, какой неожиданный поворот иной раз принимают наши поиски в связи с теми или иными обстоятельствами.

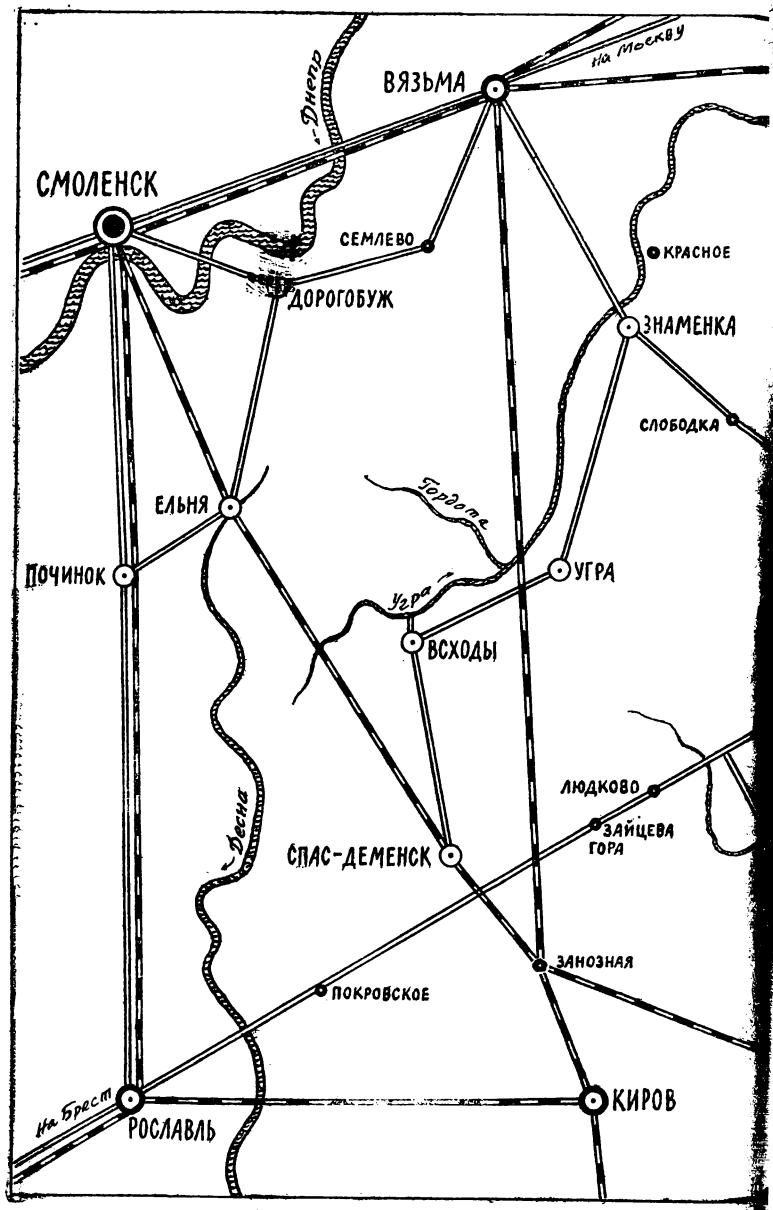
Вот как-то раз попали мы в небольшую деревеньку со странным названием — Палатки. Начали, как всегда, с поиска старожилов. Задали им обычные вопросы — что происходило здесь, в их деревне, во время войны, как вели себя немцы, действовали ли в округе партизаны? Ну и конечно же, поинтересовались, откуда у деревни такое название. И услышали в ответ от местной старушки:

«В давние-предавние времена здесь, на месте нашей деревни Палатки, был большой город Опоково. И вот однажды к этому городу подошло чужое войско — много злых людей на маленьких лохматых конях. Город они сожгли, а всех его жителей, кто не успел уйти за Угру, включая и маленьких детей, порезали. Встали они лагерем по правому берегу Угры, а на левом собирались в это время русские дружины и не пустили басурман к Москве. Так и стояли здесь татары все лето и осень, а началась зима и... из высокого холма появился столб огня — божие знамение. Басурмане попадали на колени, а потом, побросав свои шатры, все войско бежало восвояси... Шатры эти, или палатки, долго стояли на берегу Угры, в них жили уцелевшие от побоища опокчане. А когда построили здесь деревню, назвали ее Палатки. На холме, откуда было божие знамение, поставили деревянную церковь и нарекли ее Спас-Преображенье».

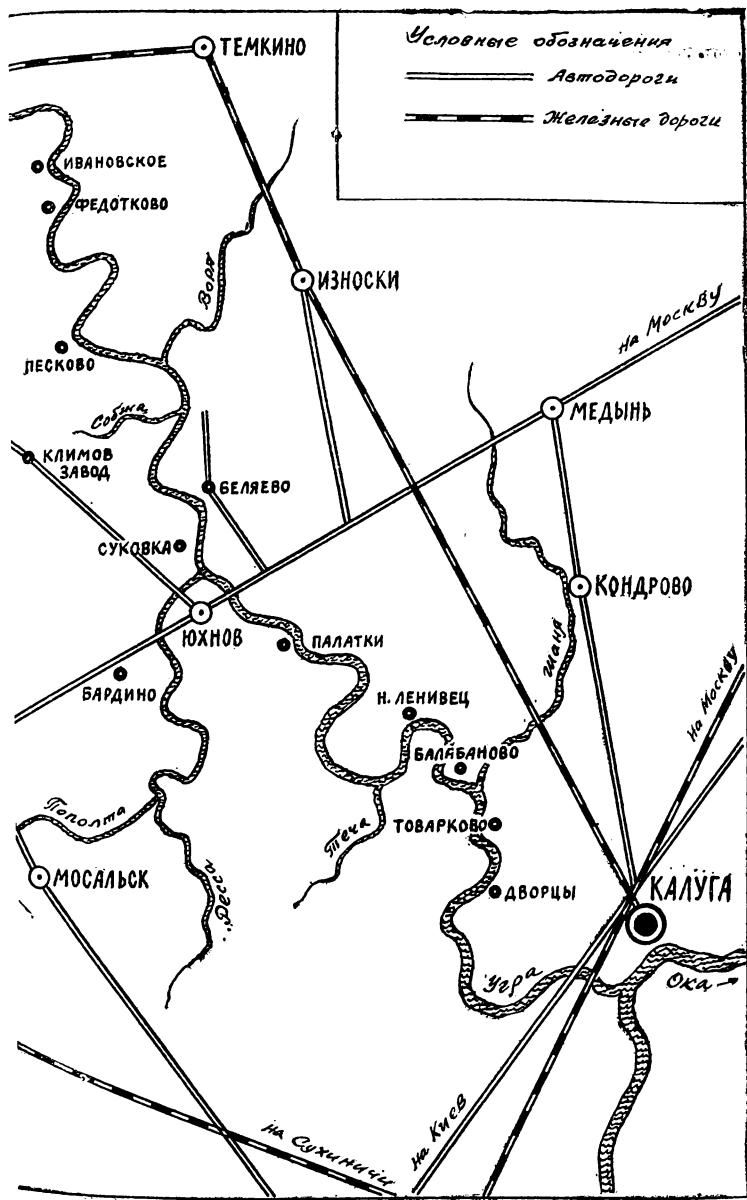
Потом, порывшись в литературе, мы нашли такую информацию: действительно, пятьсот лет назад, в 1480 году, ровно через сто лет после победы Дмитрия Донского на Калке, ордынский хан Ахмат привел свое войско на Русь, чтобы снова заставить ее платить дань орде. Но прямо на Москву он идти не решился, а повел свою конницу в обход столицы — на запад. Русские тоже перегруппировали свои дружины. И оба войска встретились на Угре. Попытки татар переправиться на левый берег реки были пресечены.

Когда наступила зима с крепкими морозами, холод и голод стали косить врагов, а русские войска увеличи-

КАРТА-СХЕМА РАЙОНА ПОИСКОВ

СТУПИНСКОЙ ГРУППЫ «ПАМЯТЬ»

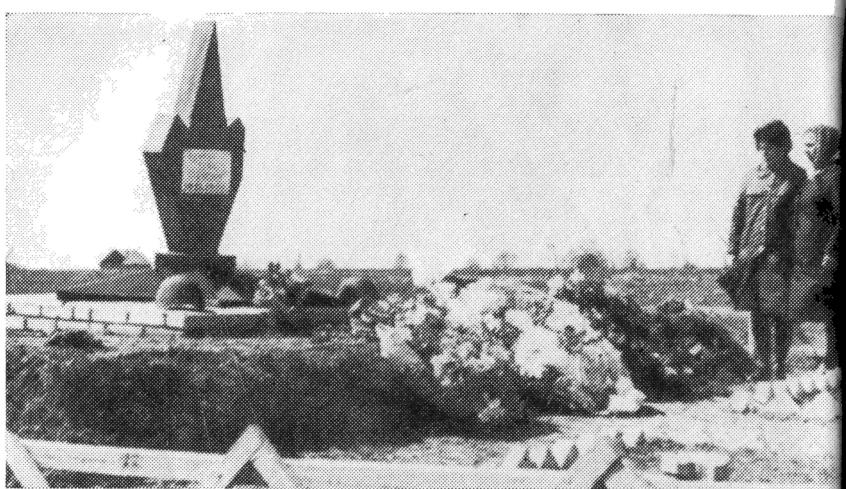
В дальнейшем предполагаем сосредоточиться на поиске в местах последних боев окруженной группировки 33-й армии генерала М. Г. Ефремова. Это наиболее трагическая страница периода Вяземского рейда, которая хранит много загадок. В плане наших будущих экспедиций поиск дивизионных документов, полковых знамен и фонда орденов и медалей, зарытых тогда в лесу, ориентировочные квадраты которого нам приблизительно известны. Кроме того, с разрешения местных органов мы произведем вскрытие братских захоронений с целью поиска солдатских медальонов и возможного установления имен погибших героев.

Итак, поиск продолжается. Планы большие и сложные. Но у нас уже накопился опыт, и мы уверены в успехе. Надеемся основную работу завершить к 1991 году — году 50-летия Московской битвы.

Интервью в походе. В деревне Ивановское Смоленской области следопыты из группы «Память» подмосковного города Ступино встретились с подполковником в отставке Михаилом Ильичем Соколовым, одним из тех, кто в годы Великой Отечественной войны сражался с фашистскими захватчиками на берегах Угры.

Воспоминания ветерана записывает руководитель группы «Память» Геннадий Коротков.

Братская могила в селе Слободка Смоленской области. Сюда перенесены останки советских воинов, павших в боях с фашистскими захватчиками. Памятник на могиле установлен кондровскими следопытами.

У памятника — жена и дочь захороненного здесь советского воина П. Т. Трофименко. Разыскать место его захоронения им помогла кондровская группа следопытов.

Цветы к памятнику отважным воинам 33-й армии генерала Ефремова.

Красная Горка. Мемориальная плита ступинцев, установленная на плацдарме, на котором стойко сражались в 1942 году советские воины.

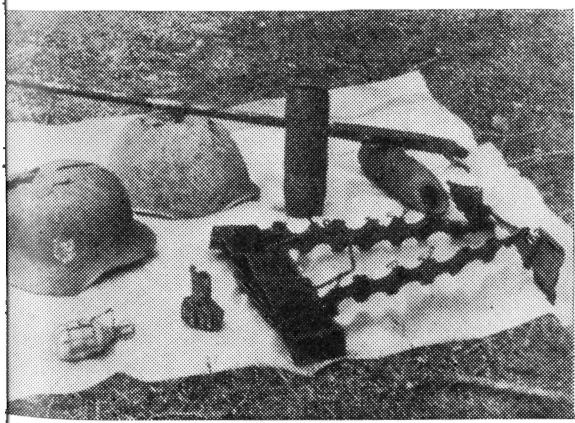
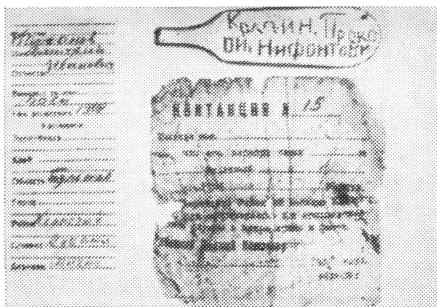
Памятный сувенир, изготовленный ступинской группой «Память» в честь ветеранов 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантного корпусов. Вручен председателю совета ветеранов генералу в отставке М. И. Глинскому.

Руководитель кондровской группы следопытов из педагогического техникума Александр Николаевич Краснов (справа) на Красногорском плацдарме. Здесь его следопыты нашли патронную ленту от фашистского пулемета.

Находки кондровских следопытов: записка из солдатского медальона, «автограф» солдата на ручке алюминиевой ложки, квитанция, красноармейская книжка. Немецкие мины, снарядные осколки, гранаты, каски...

Раскопки на месте бывшего захоронения советских воинов ведут кондровские следопыты.

ГИДАРИЩ
ОСТАНОВИСЬ
ПОКЛОННИСЬ!

ЗДЕСЬ 6 АВГУСТА
1923 г. ПРИ ПРЕТВОРЕ-
НИИ В ЖИЗНЬ ЛЕНИН-
СКОГО ДЕКРЕТА О ЗЕМЛЕ
БЫЛ ЗВЕРСКИ ЧЕМПИОН
БЕДОВАНДИТАМИ ЮНЫХ
КОММУНАРЯ Я. В. ФОМИНА
САИН ИЗ ПЕРВЫХ
КОМСОМОЛЬЦЕВ КРАСНО-
ЯРСКОГО КРАЯ

Памятник воинам 49-й армии, сражавшимся в 1942—1943 гг.
в междуречье Угры и Рессы; его установили в 1985 году
следопыты из группы «Память» города Ступино Московской
области.

Красная Горка. Памятник бойцам 43-й армии от группы «Память» города Ступино.

КОРОТКОВ Геннадий Сергеевич — 1941 года рождения. Инженер-конструктор завода стеклопластиков города Ступино Московской области. Руководитель поисковой группы «Память» при Ступинском ГК ВЛКСМ.

СОКОЛОВ Иван Иванович — 1919 года рождения. По профессии — педагог. Участник Великой Отечественной войны — артиллерист-зенитчик. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, многими медалями. Руководитель отряда юных следопытов школы № 86 Красноярска.

ПЛОТНИКОВ Юрий Михайлович — 1925 года рождения. По профессии — педагог и журналист. Участник Великой Отечественной войны — штурман авиации дальнего действия. Отмечен правительственными наградами. Публиковался в местной и центральной печати. Руководил поисковыми группами школьников Красноярска.